

Гертруда
СМОЛЛ

Розамунда,
любовница
короля

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл

Розамунда, любовница короля

«АСТ»

2002

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Розамунда, любовница короля / Б. Смолл — «АСТ»,
2002 — (Гарем Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-105020-7

Поместье юной вдовы Розамунды Болтон располагалось в точности на границе Англии и мятежной Шотландии. И этого было достаточно, чтобы молоденькая, гордая и наивная хозяйка Фрайарсгейта оказалась втянута в хитросплетенную сеть придворных интриг. Но любовь – настоящая любовь! – не страшится мнения света, не знает ни предрассудков, ни сомнений!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105020-7

© Смолл Б., 2002
© АСТ, 2002

Содержание

Часть I	8
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бертрис Смолл

Розамунда, любовница короля

Bertrice Small
ROSAMUND

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Печатается с разрешения New American Library, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Bertrice Small, 2002

© Перевод. Т. А. Перцева, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Розамунда Болтон впервые стала вдовой в шесть лет. Во второй раз она лишилась мужа, еще не достигнув тринадцатилетия и по-прежнему оставаясь непорочной. Правда, о последнем обстоятельстве она втихомолку жалела, но мысль о том, чтобы обрести пусть и временную, но свободу после обязательного года траура, казалась более привлекательной, ибо она не была замужем всего лишь первые три года своей короткой жизни.

Возможно, будь ее родители живы, все получилось бы по-другому. И если бы ее брат Эдвард не пал жертвой той же эпидемии чумы, которая унесла ее отца и мать, все определенно получилось бы по-другому. Но они ушли на небо дождливым летом тысяча четыреста девяносто второго года, и когда их тела зарыли на церковном дворе, Розамунда Болтон неожиданно оказалась единственной наследницей Фрайарсгейта, обширного участка земли с бесчисленными отарами овец и стадами коров. Тогда ей не было и трех лет.

Генри Болтон, ее дядя со стороны отца, немедленно переехал во Фрайарсгейт со своей женой Агнес и сыном. Если бы болезнь одолела и девочку, Генри в полном соответствии с законом прибрал бы все к своим рукам. Но Розамунда не умерла. И к полному удивлению родственников, росла необычайно здоровым ребенком.

Генри слыл человеком практичным. Для того чтобы управлять Фрайарсгейтом, ему было не обязательно становиться его хозяином. На это у него имелись свои средства. Не дожидаясь разрешения церкви на брак между родственниками, он женил своего пятилетнего сына Джона на Розамунде, в совершенной уверенности, что за соответствующую цену можно получить какое угодно разрешение.

Но два года спустя, когда только что полученное разрешение наконец оказалось в железном ящике под кроватью, Генри Болтон снова оказался в неприятной ситуации, грозившей ему потерей Фрайарсгейта. Детей свалила пятнистая болезнь¹. И хотя Розамунда перенесла ее на удивление легко, семилетнему Джону не повезло. Бедняга скончался.

Остальные дети Болтонов рождались мертвыми, и теперь Генри поедом ел за это жену. Неужели они будут вынуждены собственными руками отдать Фрайарсгейт незнакомым людям только из-за ее неспособности родить?

Генри отчаянно искал способ защитить свои интересы, и, к невероятному облегчению, нашел идеальное решение в лице престарелого кузена своей жены Хью Кэбота.

¹ Сыпной тиф. – Здесь и далее примеч. пер.

Почти всю сознательную жизнь Кэбот служил управителем в доме Роберта Линдси, брата Агнес Болтон. Но теперь Роберту понадобилось это место для его второго сына, и Хью грозила опасность лишиться должности. Агнес узнала об этом от своей невестки, отчаянной сплетницы. Пытаясь умиротворить разгневанного мужа, Агнес рассказала ему об услышанном, тем самым вновь вернув его милость, ибо с ее помощью Генри Болтон смог найти самое простое решение своей проблемы.

Он послал за Хью, и после беседы наедине договор был заключен. Хью женится на шестилетней Розамунде и станет управлять поместьем, а за это получит кров и приют до конца дней своих. Хью понимал, чего добивается Генри, но что поделать, плохо остаться бездомным на старости лет. Поэтому ему пришлось согласиться. Он с первого взгляда невзлюбил своего «благодетеля» и к тому же отнюдь не был таким непроходимым болваном, каким считал его Генри. Мало того, про себя он решил, что если Господь отмерит ему еще с десяток лет, он вполне успеет убедить девочку-жену защитить свои интересы от алчного дядюшки.

И тут свершилось чудо: Агнес Болтон снова готовилась стать матерью. В отличие от предыдущих беременностей эта проходила легко, и она надеялась, что уж этого ребенка, как и Джона, она сможет доносить до срока. Узнав новости, Генри отдал распоряжение о немедленном возвращении в Оттерли-Корт, поместье жены, полученное им в приданое. Вне себя от радости, он не сомневался, что вскоре на свет появится долгожданный сын. Он уже решил, что после смерти Хью Кэбота женит наследника на Розамунде, и тогда Фрайарсгейт будет снова принадлежать ему, уже навечно.

Болтоны собрали вещи и готовились к отъезду. Настал день свадьбы. Жених оказался высоким, болезненно худым мужчиной. Тощая как палка фигура и грива снежно-белых волос производили на окружающих впечатление хрупкости и ненадежности. Но стоило взглянуть в ярко-голубые глаза под рыжевато-седыми густыми бровями, как заблуждение рассеивалось. Он подписал брачный контракт чуть дрожащей рукой, сгорбив широкие плечи и старательно избегая взгляда Генри Болтона. Тот ничего не заметил. Да и не до этого ему было. Для него имело значение только одно: никто из посторонних не украдет племянницу и поместье прямо из-под носа. Он был твердо уверен, что по-прежнему держит в руках Фрайарсгейт.

На невесте было простое облегающее платье травянисто-зеленого цвета с удлиненной талией. Распущенные рыжевато-каштановые волосы раскинулись по узким плечам. На маленьком личике сверкали любопытством огромные янтарные глаза. Но во взгляде проглядывала и настороженность. Хью она показалась изящной, как сказочная фея. Осторожно взяв ее крошечную руку, он повторил обеты перед престарелым священником. Девочка вторила ему мелодичным голосом, очевидно, выучив обеты наизусть.

Генри в продолжение всей церемонии широко и чуть самодовольно улыбался. Он и Агнес были свидетелями на свадьбе. Больше в церковь никого не пригласили.

Выйдя во двор, он сказал Хью:

– Пусть девчонка и твоя жена, не вздумай баловаться с ней. Я хочу, чтобы она сохранила невинность до следующего замужества.

На какое-то мгновение Хью едва не поддался черной ярости, затопившей его душу. Но он сумел скрыть неприязнь к этому грубому и жадному человеку и тихо ответил:

– Она совсем еще ребенок, Генри Болтон. Кроме того, в моем возрасте страсти уже неведомы.

– Рад это слышать, – дружелюбно кивнул Генри. – Она девчонка послушная, но если начнет капризничать, можешь ее побить. Это право остается за тобой, и не мне его у тебя отнимать.

С этими словами он покинул Фрайарсгейт. Семейство направилось к холмам, отделявшим Оттерли-Корт от богатого владения племянницы.

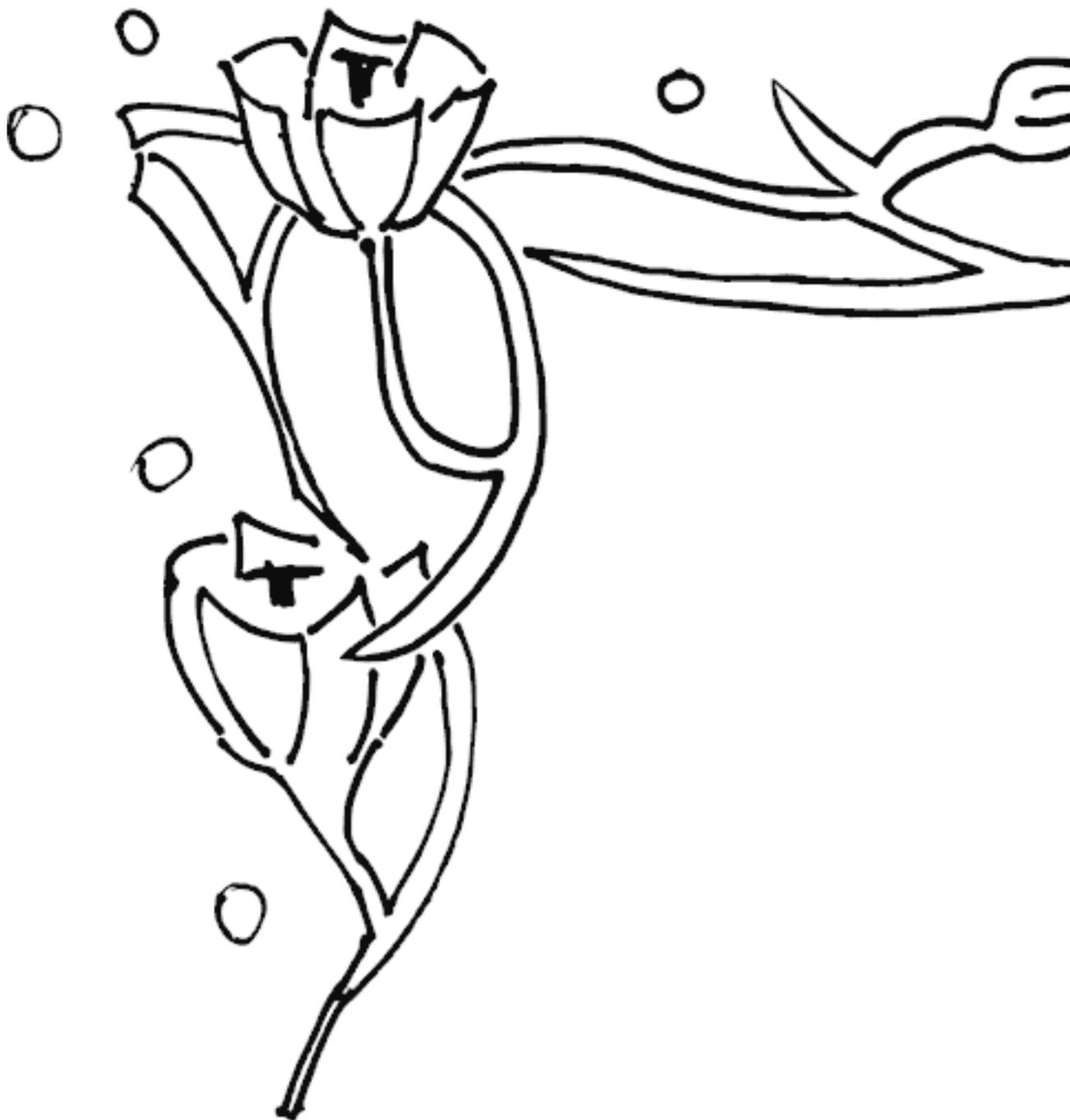
Несколько месяцев спустя Агнес Болтон разродилась девочкой, а сама скончалась от послеродовой лихорадки. Взбешенный Генри похоронил жену и отдал дочь пышногрудой кормилице, жене своего арендатора, а сам занялся поисками молодой и плодovитой жены, в чем скоро и преуспел.

Мейвис была девушкой плотной и выносливой. Дочь мелкого землевладельца, она поднялась на ступеньку социальной лестницы, выйдя за Генри Болтона. Этот безжалостный жестокосердый мужчина был сражен наповал своей голубоглазой златовласой невестой. Она быстро доказала, что стоит его любви, произведя на свет троих здоровых сыновей за три года. К тому же она оказалась хорошей хозяйкой и твердой рукой вела хозяйство, содержа его в полном порядке. И хотя планы Генри не осуществились в полной мере, все же теперь у него были наследники.

После свадьбы он ни разу не приезжал во Фрайарсгейт и не видел, как растет племянница, однако надеялся, что Хью протянет до того времени, когда его старший сын сможет жениться на Розамунде. И до того момента, как племянница, поддавшись женской слабости, не отдастся на вересковой пустоши пылкому молодому ухажеру.

«Еще немного, совсем немного», – думал он в полной уверенности, что Фрайарсгейт снова окажется в его власти.

Часть I
Англия, 1495–1503
Наследница Фрайарсгейта



Глава 1

Только что обвенчанная с Хью Кэботом Розамунда Болтон, совсем еще дитя, молча смотрела вслед уезжавшим. Когда наконец дядя и его жена скрылись из виду, она повернулась к мужу и тихо осведомилась:

– Они убралась насовсем, сэр? Мой дядюшка всегда вел себя так, словно не я, а он – хозяин этого дома.

– Значит, ты это тоже поняла? – удивленно откликнулся Хью. Интересно, что еще она успела сообщить? Бедный ягненок. Ее жизнь легкой не назовешь.

– Я – наследница Фрайарсгейта, – просто, но гордо ответила она, – дядя Эдмунд говорит, что я – знатная добыча. Поэтому мой дядя Генри так стремится наложить лапы на мое имущество. Он вернется?

– Пока что вряд ли. Но я уверен, что он придет посмотреть, как у тебя обстоят дела.

– Вернее, для того, чтобы проверить, насколько процветает хозяйство, – проницательно заметила девочка.

Хью сжал ее руку.

– Давай пойдем в дом, Розамунда. Ветер сегодня холодный: знак того, что зима не за горами.

Они вместе возвратились в дом и уселись в маленьком зале у теплого огня.

– Значит, теперь вы мой супруг, – серьезно заметила Розамунда. Хью увидел, что ее маленькие ножки не достают до пола.

– Именно, – согласился он, лукаво поблескивая глазами и гадая, куда она клонит.

– И сколько же жен у вас было до меня, сэр? – любопытствовала она.

– Ни одной, – заверил он с легкой улыбкой, осветившей его угловатые черты.

– Почему? – допытывалась девочка, глядя большую серую гончую, сидевшую у ее кресла.

– У меня не было средств содержать жену, – пояснил Хью. – Я был младшим сыном у отца. Он умер еще до моего рождения. Бедняга тоже был младшим сыном, во всем зависевшим от своей семьи. Давным-давно мне пришлось сделать своей кузине Агнес огромное одолжение: по крайней мере тогда я так считал. Убедил ее брата отдать ей маленькое поместье Оттерли, после чего она сразу превратилась в желанную невесту для твоего дяди Генри. Агнес – девушка некрасивая и не имеющая призвания к монастырской жизни. Ей нужно было что-то такое, что выделило бы ее среди остальных девиц брачного возраста со скромным состоянием. Уговорив Роберта Линдси, дав ему понять, что женщина с приданым имеет больше возможностей найти мужа, я оказал Агнес немалую услугу.

– У меня тоже больше возможностей найти мужа, чем у остальных, – проницательно объявила Розамунда.

– Совершенно верно, – сказал Хью со смешком. – Для такой малышки ты на редкость сообразительна.

– Священник говорит, что женщины – сосуд слабый и ничтожный, но, думаю, он ошибается. Женщины могут быть не только умными, но и сильными, – откровенно призналась Розамунда.

– Это ты сама придумала? – удивился он. Что за поразительное дитя досталось ему в жены!

Она ответила испуганным взглядом и забилась поглубже в кресло.

– Вы побьете меня за мои мысли, сэр? – пролепетала она.

Хью озабоченно свел брови. Неожиданный вопрос глубоко его встревожил.

– Почему ты так считаешь, девочка? – тихо пробормотал он.

– Я вела себя очень дерзко. Тетя твердит, что женщина не должна быть чересчур откровенной или смелой. Это вызывает недовольство мужчин и навлекает на женщин побои и наказания.

– Дядя тебя бил? – догадался Хью.

Девочка молча кивнула.

– Ну а я не стану, – заверил он. Добрые голубые глаза встретились с испуганными янтарными. – Наоборот, я жду, что ты будешь чистосердечной и открытой в разговорах со мной. Когда люди таятся друг от друга, между ними возникают глупые недоразумения. Я многому могу научить тебя, если захочешь стать настоящей хозяйкой Фрайарсгейта. Не знаю, сколько смогу пробыть рядом с тобой, ибо я уже немолод. Но если собираешься стать хозяйкой собственной судьбы и не намерена терпеть чью-либо власть, должна прилежно усваивать все мои уроки, иначе Генри Болтон снова явится, чтобы завладеть твоими богатствами.

Он заметил в ее взгляде искорку интереса, но она быстро опустила ресницы и задумчиво протянула:

– Знай мой дядя, что ты собираешься восстановить меня против него, вряд ли ты стал бы моим мужем, Хью Кэбот.

Хью усмехнулся.

– Ты неверно поняла меня, Розамунда, – вкрадчиво ответил он. – Я не собираюсь ссорить тебя с родными, но, будь я твоим отцом, хотел бы, чтобы ты не зависела от семьи. Фрайарсгейт принадлежит тебе, а не им, девочка. Знаешь мой фамильный девиз?

Розамунда покачала головой.

– «Tracez votre chemin». Это означает: «Сам прокладывай себе путь», – объяснил он.

Розамунда кивнула.

– Пожалуйста, Хью, живи подольше, чтобы я смогла сама выбрать себе мужа, – попросила она, весело блестя глазами. Хью громко рассмеялся и сам удивился себе. Как давно он не хохотал так искренне, без всякой злобы или обиды!

– Постараюсь, Розамунда, – пообещал он.

– Сколько тебе лет? – выпалила она.

– Сегодня двадцатый день октября. В девятый день ноября мне исполнится шестьдесят. Я очень стар, Розамунда.

– И вправду, – серьезно согласилась она.

Не в силах сдержаться, Хью снова хмыкнул.

– Мы будем друзьями, девочка, – объявил он и, упав на колени, взял ее руку.

– Клянусь тебе в день нашей свадьбы, Розамунда, что, пока живу, превыше всего буду ставить интересы твои и Фрайарсгейта.

И с этими словами он поцеловал маленькие пальчики.

– Может, я тебе и поверю, – сказала Розамунда, отнимая руку, но тут же лукаво улыбнулась. – Я рада, что дядя выбрал именно тебя, Хью Кэбот, хотя, думаю, он вряд ли это сделал бы, знай твое истинное лицо и мятежные мысли. И никакая тетка не смогла бы его уговорить!

– Моя жена-дитя, – обратился к ней Хью, – подозреваю, что у тебя имеется склонность к интригам. Весьма интересное свойство для столь молодой особы.

Он встал и снова устроился в кресле.

– Я не знаю, что такое интрига. Это хорошая вещь? – допытывалась Розамунда.

– Иногда. Я всему научу тебя, – заверил он. – Тебе понадобится немало ума и сообразительности, когда я уйду и не смогу больше тебя защищать. Твой дядя – не единственный, кто мечтает заполучить Фрайарсгейт. Вполне возможно, найдется человек сильнее и опаснее

Генри Болтона. У тебя хорошая голова, девочка. Тебе просто необходимы мои наставления, чтобы выжить и уцелеть в этой схватке.

Вот так началась их супружеская жизнь. Хью быстро полюбил малышку, всячески ее лелеял и баловал, как дочь, которой он никогда не имел. Розамунда отвечала ему тем же. Он заменил ей дедушку, и отныне они стали неразлучны. На следующий день после свадьбы оба отправились объезжать имение: Хью на крепком гнедом мерине, а Розамунда – на снежно-белом пони с черными гривой и хвостом. Хью был поистине потрясен, обнаружив, как много знает девочка о своих владениях. Она очень гордилась Фрайарсгейтом и показала мужу зеленые луга, по которым бродили овцы, и плодородные пастбища, где коровы щипали траву под осенним небом.

– Дядя делился с тобой знаниями? – расспрашивал он.

– Никогда, – вздохнула Розамунда. – Для Генри Болтона я всего лишь собственность, которой следует управлять, чтобы он, в свою очередь, мог заполучить Фрайарсгейт.

– Откуда же тебе все так хорошо известно? – удивился он.

– У моего деда было четверо сыновей, – начала девочка. – Отец родился третьим, но первые два были незаконными и появились на свет до женитьбы деда. Дядя Генри – самый младший. А старший – дядя Эдмунд. Мой дед любил всех детей, но больше всего – Эдмунда и Ричарда. Дядя Генри родился, когда моему отцу исполнилось пять. Говорят, что дед не делал различия между сыновьями, кроме разве того, что именно мой отец был объявлен законным наследником. Эдмунду и Ричарду даже позволили носить фамильное имя. Дядя Генри ненавидит их, особенно Эдмунда, потому что дедушка любил его больше всех.

Дед отдал Ричарда церкви, чтобы искупить свои грехи. Он стал монахом в аббатстве Святого Катберта, что неподалеку от Фрайарсгейта. Эдмунда дед сделал своим управителем, когда тот вырос, а старый управитель умер. Дядя Генри не посмел выгнать старшего брата, ибо Эдмунд слишком много знает о Фрайарсгейте. Конечно, Эдмунд держится подальше от Генри, но и он, и Мейбл многое мне объясняли.

– Мейбл? Кто это?

Еще одно новое имя.

– Моя нянюшка, – объяснила Розамунда, – и жена Эдмунда. Она – единственная мать, которую я знала. Свою я почти не помню, хотя, говорят, она была милой и доброй, но так и не окрепла после того, как родила меня.

– Я хотел бы познакомиться с Мейбл и Эдмундом, – решил Хью.

– Тогда едем к их дому, – согласилась Розамунда. – Они тебе понравятся.

Теперь Хью Кэбот понял вторую причину, по которой Генри Болтон выбрал его в мужья Розамунде. Очевидно, ему не терпелось позлить Эдмунда. О нет, он не сместил старшего брата с должности грубо и открыто, просто теперь тому ничего не останется, кроме как отступить. Что же, Хью придется как можно скорее навести мосты, если он не хочет открытой ссоры. Ничто не должно отвлекать его от цели: заботы о безопасности Розамунды и Фрайарсгейта. Если Эдмунд Болтон именно таков, каким его считает Розамунда, Хью наверняка с ним поладит.

Они добрались до каменного коттеджа, расположенного на склоне уединенного холма, выходившего на маленькое озеро. С первого взгляда было видно, что домик содержится в порядке: ни одной поломанной черепицы на крыше, свежая побелка, крепкие ставни. Под окном стояла старая, много повидавшая скамья. Из трубы поднималась узкая лента серого дыма. У двери цвели поздние розы.

Спрыгнув с лошади, Хью поднял Розамунду и поставил на землю. Девочка поспешила в коттедж, выкрикивая на ходу:

– Эдмунд! Мейбл! Мой муж захотел познакомиться с вами!

Хью, нагнув голову под притолокой, вошел в дом и оказался в уютной комнате, где в камине весело плясало пламя. Вперед выступил мужчина среднего роста с загорелым, обветренным лицом человека, проводящего весь день на свежем воздухе. Янтарные глаза светились любопытством.

– Добро пожаловать, милорд. Мейбл, иди познакомься с новым хозяином.

Он подвел к гостям свою пухленькую женушку, маленькую женщину неопределенных лет с пронизательными серыми глазами. Она внимательно оглядела Хью и, очевидно, удовлетворившись осмотром, почтительно присела.

– Рада видеть вас, сэр.

– Могу я предложить вам сидра, милорд? – вежливо осведомился Эдмунд.

– С удовольствием, – согласился Хью. – Мы целый день скакали верхом, объезжая владения моей жены.

– И мое дитя кусочка во рту не имело с самого утра? – возмутилась Мейбл. – Безобразие!

– Я не голодна, – хихикнула Розамунда. – Я впервые за много недель вышла из дома! Ты же знаешь, Мейбл, дядя Генри глаз с меня не спускал и разрешал отлучаться разве только для того, чтобы облегчиться и поспать. До чего же чудесной получилась прогулка!

– И все же Мейбл права, жена, – спокойно вмешался Хью. – Я, как и ты, наслаждался прекрасным днем, но ты растешь и нуждаешься в подкреплении. – Он повернулся к хозяйкам: – Кстати, я просто Хью Кэбот... и буду рад, если вы станете обращаться ко мне по имени, данному мне при крещении, Эдмунд и Мейбл Болтон.

– Да, когда мы наедине, – согласился Эдмунд, – но в присутствии слуг мы должны соблюдать общепринятые правила. Что ни говори, а ваша жена – хозяйка Фрайарсгейта.

Эдмунд приятно удивился тону и мягким манерам Хью. Не таким он ожидал увидеть мужа Розамунды!

– Садитесь! – пригласила Мейбл. – Я покормлю вас. Она захлопотала, вынув хлеб из стоявшей у огня корзины, разрезав каравай надвое и вынимая мякиш. Потом поставила корки на стол и наполнила аппетитно пахнувшим жарким из кролика с луком и морковью в густой подливке. Также она положила на стол полированные деревянные ложки. Розамунда и Хью должны были есть из одной корки. Эдмунд принес оловянные кубки с сидром.

К своему удивлению, Розамунда обнаружила, что очень голодна. Она ела быстро, жадно, то и дело засовывая в рот куски каравая.

Мейбл исподтишка наблюдала за ними, отмечая, что Хью Кэбот заботится о ребенке, позволяя девочке есть вволю, а сам только делает вид, что тянется к жаркому. Лишь когда Розамунда насытилась, он стал энергично орудовать ложкой.

«Ну и ну, – заметила про себя Мейбл. – Интересно, ничего не скажешь».

Но она еще не была готова поверить, будто Генри Болтон сделал племяннице добро, выбрав ей в мужа этого старика. Все же Розамунда, кажется, полюбила этого человека. Обычно она не слишком привечает незнакомых людей, особенно имеющих отношение к ее жадному дяде.

– Клянусь, Мейбл, это лучшее кроличье жаркое, которое я едал в жизни! – объявил Хью, отдуваясь и с довольным вздохом отодвигаясь от стола.

– Она хорошо готовит, моя Мейбл, – с улыбкой подтвердил Эдмунд. – Еще сидра, Хью?

– Нет, не стоит. Нам нужно скоро уезжать, если хотим засветло добраться до дома.

– Да, зима на носу, и с каждым днем темнеет все раньше, – кивнул Эдмунд.

– Однако прежде чем уйти, я хочу, чтобы между нами не осталось неясностей, – объявил Хью. – Генри Болтон задумал нас посорить, но я этого не допущу. Много лет я служил управителем у брата Агнес Болтон. Меня попросили обучить его младшего сына всему, что

я знаю, что и было сделано. Парню предстояло занять мое место. Узнав об этом, Агнес предложила мне стать мужем Розамунды, чтобы защитить интересы ее мужа во Фрайарсгейте.

– У Генри Болтона не было интересов во Фрайарсгейте! – рассердился Эдмунд.

– Согласен, – поспешно кивнул Хью. – Фрайарсгейт принадлежит Розамунде, а после нее – ее наследникам, но Генри пошел на хитрость, попытавшись заменить вас и выдав Розамунду за меня. Фрайарсгейт не нуждается в двух управителях. Насколько я знаю, меня попросили жениться на девочке. Ничего больше. Хотя Генри рассчитывает, что я вытесню вас с должности, предназначенной вам отцом, этого не будет.

– И как же вы поступите? – осторожно осведомился Эдмунд.

– Научу Розамунду читать, писать и вести счета, чтобы, когда нас обоих не окажется рядом, она знала, что делать. Насколько я понял, священник не пытался ее учить. Он казался мне человеком не очень умным и довольно невежественным.

– Генри Болтон убежден, что женщине грамота ни к чему. Достаточно уметь вести дом. Он считает, что племяннице лучше всего знать обязанности жены и хозяйки: уметь варить мыло, делать заготовки, солить рыбу, – пояснил Эдмунд.

– А как считаешь ты? – допрашивал Хью.

– Думаю, ей не помешает и грамота, но старый отец Бернард сам не силен в письме и чтении, не говоря уже о счете. Выучил службы на слух и никак не может считаться образованным человеком. Черт, да он старше тебя, Хью Кэбот, и последнее время с головой у него не все ладно.

Хью сердечно рассмеялся.

– В таком случае договорились, Эдмунд. Ты будешь по-прежнему управлять поместьем, а я стану обучать свою жену.

– Но мы будем встречаться регулярно, – добавил Эдмунд. – Ты должен знать все дела поместья, дабы Генри не сомневался в том, что именно ты управляешь Фрайарсгейтом. И лучше будет, если ты станешь вершить суд, как полагается, каждые три месяца. Для всех посторонних именно ты отныне – господин Фрайарсгейта.

– Надеюсь достойно играть свою роль, – кивнул Хью.

– Пока вы двое строите планы, бедный ребенок заснул, – резко вмешалась Мейбл. – Поезжайте домой вместе со своей женушкой, Хью Кэбот, прежде чем стемнеет, а то еще заблудитесь в здешних пустошах. В округе рыщут разбойники, ибо шотландская граница совсем недалеко отсюда.

– Вы часто подвергаетесь набегам? – спросил Хью.

– Обычно здесь у нас безопасно, – сухо заверила Мейбл, – если только королям и могущественным лордам не придет в голову сцепиться. Тогда больше всего страдают бедные и обездоленные. Иногда шотландцы угоняют скот и овец, но по большей части нас оставляют в покое.

– Интересно, почему бы это? – удивился Хью.

– Причина в наших холмах, – вмешался Эдмунд. – Те, что вокруг Фрайарсгейта, – очень крутые, через них трудно угнать стадо или хотя бы несколько животных. Для того чтобы шотландцы по-настоящему ополчились на нас, нужен очень серьезный повод вроде открытой распри.

– А кто из приграничных лордов живет ближе всего к Фрайарсгейту? – допытывался Хью.

– Хепберн из Клевенз-Карна, – ответил Эдмунд. – Я встречался с ним однажды, когда он приезжал на ярмарку скота со своими сыновьями. Возможно, он уже умер и один из сыновей унаследовал все, хотя не знаю, который именно. Шотландцы – люди склочные, и сыновья, вне всякого сомнения, передрались из-за отцовских владений.

– Верно, – согласился Хью, – чего и ждать от шотландцев! Они почти все дикари.

Он поднялся и посмотрел на сонно клевавшую носом Розамунду.

– Эдмунд, подними девочку. Я повезу ее на своем мерине и поведу пони в поводу.

– Нет, я поеду тоже, – запротестовала Мейбл. – Нужно же кому-то присмотреть за девочкой!

– Тогда едем, – сказал Хью, открывая дверь. Солнце только начинало садиться. Хью вскочил в седло, взял спящую девочку у Эдмунда и осторожно пристроил ее голову на сгибе своей руки, удерживая другой поводья.

Из дома поспешно вышла Мейбл, кутаясь в плащ, и с помощью мужа уселась на белого пони.

– Я готова. Постарайся оставить дом чистым, Эдмунд Болтон, когда поедешь завтра за мной.

– Обязательно, дорогая, – заверил он с легкой улыбкой и шлепнул пони по крупу. Животное проворно побежало вперед. Глядя вслед отъезжавшим, Эдмунд думал о том, что его племянница наконец получила оружие, которым может сражаться с Генри Болтоном. Если, разумеется, Хью Кэбот именно таков, каким кажется. Но Эдмунду понравился новый хозяин. Он сердцем чувствовал, что тот – человек хороший.

Эдмунд язвительно хмыкнул. Вот опростоволосился младший брат! Вообразил, будто выбрал племяннице слабого, выжившего из ума старика! Что-то будет теперь?..

Генри всегда был самодовольным, злобным, но недалеким человеком. Эдмунд знал, куда он метит, и его намерения были так же прозрачны, как осколок стекла. Генри выдал Розамунду замуж только потому, что девочка слишком мала, чтобы выполнять супружеские обязанности и рожать детей. К тому же Хью Кэбот стар для подобных вещей. Однако теперь хозяйка Фрайарсгейта стала замужней женщиной, недоступной для хищных охотников за богатством, которые стремились бы жениться на ней, невзирая на желания Генри. Тот хотел получить имение для своих будущих наследников. Если ребенок, которого носит Агнес, окажется сыном, Генри, вне всякого сомнения, попробует выдать за него Розамунду, не дожидаясь, когда этого ребенка отлучат от материнской груди. И не важно, что невеста старше жениха. Подобные вещи были обычными для тех браков, где речь шла о богатых владениях.

Но если Хью Кэбот окажется таким честным человеком, каким его считает Эдмунд, Розамунда навеки избавится от своего дядюшки Генри, который скорее всего перехитрил сам себя.

Эдмунд дождался, пока всадники исчезнут за ближайшим холмом, прежде чем повернуться и войти в дом, чтобы начать уборку. Утром он вернется к своим обязанностям управителя. Он и Хью вместе научат Розамунду всему, что она должна знать. Девочка станет достойной хозяйкой Фрайарсгейта, когда их больше не будет рядом, чтобы вести ее дела.

Фрайарсгейт, бывший местом недовольств и ссор при Генри Болтоне, сейчас снова стал уютным уголком, где царили счастье и радость, совсем как при родителях Розамунды. Вечером, в канун Дня Всех Святых, на склонах холмов зажглись костры. В парадном зале Фрайарсгейта на стол водрузили высокий канделябр. Стены украсили гирляндами зелени. Главным блюдом пиршества был сладкий яблочный пудинг, который разделили между сидевшими за высоким столом. В пудинге были запечены два кольца, две монеты и два мраморных шарика.

– У меня монетка! – взволнованно вскричала Розамунда, со смехом выуживая пенни из ложки.

– И у меня тоже, – фыркнул Хью. – Значит, жена, как гласит поверье, мы разбогатеем. Впрочем, у меня уже есть богатство – это ты!

– А что ты получил, Эдмунд? – спросила девочка.

– Ничего, – со смехом признался тот.

– Но это означает, что твоя жизнь будет полна неопределенности, – разочарованно про-
тянула Розамунда, запуская ложку в общее блюдо. – Я найду тебе кольцо!

– Но он уже женат на мне, – напомнила Мейбл. – Оставь кольца судомойкам, которые доедят все, что останется на столе, моя юная леди.

– А тебе что-нибудь попало? – не унималась девочка.

– Шарик, – вздохнула Мейбл.

– Нет-нет! – охнула Розамунда. – Это означает, что твоя жизнь будет одинокой!

– Но она уже не одинока, – отмахнулась няня. – У меня есть ты и мой Эдмунд. И все эти поверья – чистая глупость!

Розамунда в сопровождении мужа вышла из зала во двор, чтобы раздать хрустящие яблочки из плетеной ивовой корзины своим арендаторам, собравшимся вокруг огня. Яблоки в это время года считались добрым знаком и принимались с поклонами, приседаниями и благодарностью от обитателей Фрайарсгейта.

Настал День Всех Святых, и в домах жителей поместья устроили праздничные обеды в честь святых, известных и неизвестных. Второго ноября праздновали День Всех Душ. Дети Фрайарсгейта ходили по домам, от двери к двери, и хозяева награждали их соул-кейкс – маленькими овсяными печеньями с кусочками яблок. На девятый день ноября Розамунда сделала сюрприз мужу, устроив пир в честь дня его рождения. Она также подарила ему серебряную заколку, украшенную черным агатом, принадлежавшую ее отцу и деду.

– Надеюсь, она вам понравится, сэр, – сказала девочка.

Хью молча смотрел на заколку, покоившуюся в гнездышке из тонкой голубой шерстяной ткани. За всю свою жизнь, за все шестьдесят лет он ни разу не получал подарков. Наконец он поднял на жену полные слез глаза.

– Понимаешь, Розамунда, – с трудом выдавил он, – мне никогда еще не дарили столь красивой вещи.

Он нагнулся и поцеловал ее в розовую щечку.

– Спасибо, жена.

– О, я так рада, что тебе понравилось! – воскликнула она. – Мейбл так и говорила! Это для твоего плаща, Хью! До чего же чудесно выглядит!

Два дня спустя они отпраздновали День святого Мартина жареным гусем. Двадцать пятого ноября пекли печенье Кэтрин в форме крохотных колес и подавали в специальных чашах «овечью шерсть» – пенистый напиток в честь Дня святой Екатерины, а потом в зале устроили танцы.

Первого декабря начался рождественский сезон. Это было самое счастливое время в жизни Розамунды. От дяди Генри известий не получали, так что спокойствие ничем не нарушалось. В очаге парадного зала горело огромное рождественское полено. По залу были развешаны остролист и омела. Всю Двенадцатую ночь горели двенадцать канделябров, а за каждым обедом подавали по двенадцать блюд. Дети ходили по домам с пением рождественских песен; готовились, пеклись и поедались горы сластей: пшеничная каша на молоке с сахаром и корицей, пироги с медом, изюмом, миндалем, пудинги, но особенно Розамунда любила рождественских куколок из имбирного теста. В качестве подарка арендаторам она объявила о разрешении охотиться на кроликов каждую субботу в продолжение зимних месяцев. И поскольку урожай выдался обильным и каменные житницы были полны, она могла легко прокормить обитателей Фрайарсгейта в холодную погоду. В погребах хранились корзины с луком, яблоками и грушами. Морковь и свекла свисали с потолочных балок.

На пятое января пришелся последний день рождественских праздников, известный как Двенадцатая ночь. В зале супругов развлекали шесть танцоров, жителей деревни, одетых быками, с рогами и колокольчиками. Когда они закончили танец, Розамунда выбрала из них «лучшую скотинку» и, смеясь, надела на рог твердую овсяную лепешку в форме пончика. «Лучшая скотинка» попыталась стряхнуть награду, пока Розамунда и Хью горячо спорили о том, упадет ли лепешка впереди или позади танцора.

Наконец лепешка слетела с рога и упала на стол перед молодой хозяйкой Фрайарсгейта. Розамунда разразилась смехом и захлопала в ладоши, громкими криками приветствуя танцоров.

Обед закончился, когда владельцы Фрайарсгейта взяли кубки и вышли в прохладную ясную ночь. В темном небе сверкали звезды, серебристые, голубые и красные. Перед домом стоял большой узловатый дуб. Говорили, что он рос здесь еще двести лет назад, до постройки дома.

В кубках пенился сидр, и в каждом плавало по три маленьких кусочка печенья с тмином. Розамунда и Хью приветствовали древнее дерево, и каждый съел по кусочку печенья, предложив остальные два дубу. Потом супруги обошли исполина под пение древней мелодии и вылили остаток сидра на причудливо сплетенные корни, пробившиеся на поверхность твердой земли.

– Лучшей Двенадцатой ночи у меня еще не было! – счастливо объявила Розамунда.

– Да, – согласился Хью, возвращаясь в дом со своей молодой женой. – И у меня тоже, девочка.

Теперь зима полностью вступила в свои права. Розамунда прилежно училась читать и писать. Хью сам с бесконечным терпением наставлял ее, выводя буквы кусочком уголька на клочке пергамента. К его удивлению, девочка оказалась левшой, что в те времена считалось совершенно необычным. Следуя его подсказкам, она старательно копировала буквы раз за разом и громко повторяла название каждой. Розамунда крайне серьезно относилась к занятиям и стала быстро делать успехи. Уже через месяц знала наизусть весь алфавит и тщательно выписывала каждую букву. Далее Хью научил ее писать свое имя. И, впервые увидев плоды рук своих, Розамунда зачарованно уставилась на аккуратные завитушки, глядевшие на нее с потертого пергамента. После этого дело пошло еще скорее. К концу зимы девочка начала читать.

– Боюсь, она превзойдет меня! – шутливо жаловался Хью Эдмунду. – Уж очень умна. К лету станет читать лучше, чем ты или я.

– Тогда мы вместе обучим ее арифметике, чтобы она знала, как вести счета, – предложил Эдмунд и со смехом добавил: – Генри вряд ли понравится такое новшество.

– Но он пока что бессилен, – возразил Хью. – Я муж Розамунды и ответствен за ее поведение и ее земли. Мы оба знаем, что он выбрал меня, поскольку хотел уберечь девочку от брачных притязаний других семейств, а сам ждет не дождется, чтобы после моей смерти обручить ее со своим сыном.

– Чем старше она становится, тем труднее будет с ней справиться, – заметил Эдмунд. – Она так похожа на отца, это заметно даже сейчас.

На полях зазеленела первая весенняя травка. Начался окот овец. Стада Розамунды увеличились также на несколько телок и двух бычков. Одного собирались оставить на племя, а другого продать. За длинные зимние месяцы арендаторы успели поправить свои дома: залатали крыши и прочистили дымоходы. Теперь настало время пахоты, а потом и посева зерновых и овощей.

В последний день апреля Хью, Эдмунд и Мейбл отпраздновали день рождения Розамунды. Девочка восхитила взрослых своей неподдельной радостью при виде подарков. От Мейбл она получила кушак зеленого шелка, вышитый золотой нитью. Дядя Эдмунд подарил племяннице переплетенную в кожу тетрадь для арифметики вместе с остро заточенным гусиным пером. А вот Хью подарил жене сшитые им самим перчатки из оленьей кожи, отделанные кроличьим мехом, и прозрачную батистовую вуаль, купленную у бродячего торговца.

Поля были засеяны и зерно дало дружные всходы, когда во Фрайарсгейт прибыл Генри Болтон, впервые с прошлой осени, и с грустью объявил о том, что его добрая жена леди Агнес разрешилась крошечной дочерью в самый праздник Святой Юлии. Ребенок находится на попечении кормилицы, поскольку леди Агнес скончалась от родильной горячки вскоре после появления на свет дочери.

Вечер он и Хью коротали в зале.

– Вижу, Розамунда в добром здравии, – заметил Генри Болтон. Племянница приветствовала его почтительно, а после ужина учтиво попросила разрешения удалиться.

– Она крепкая девочка, – кивнул Хью.

– Похоже, она тебя любит.

– Я ей вместо дедушки, – пробормотал Хью.

– Надеюсь, ты ее не избаловал? Ты часто учишь ее розгой? – допытывался Генри, пристально уставясь на старика.

– До сих пор в этом не было необходимости, – запротестовал Хью. – Она добрая и послушная малышка. Если вдруг засвоевольничает, я быстро внушу ей правила приличия. Даю тебе слово, Генри.

– Вот и хорошо, – довольно улыбнулся Генри. – Ну а ты, Хью? Надеюсь, тоже не болеешь?

Черт бы побрал Агнес! Если старик, которого он выбрал в мужа Розамунде, отправится к праотцам, Фрайарсгейт наверняка будет для него потерян!

– Ни в малейшей степени, Генри. Мое здоровье здесь поправилось, – напрямик объявил Хью, прекрасно понимая, что на уме у собеседника, и едва удерживаясь от смеха.

– Я должен снова жениться! – выпалил Генри.

– Что же, это мудро с твоей стороны, – согласился Хью.

– Брат Агнес заявляет, что я должен вернуть ему Оттерли, – признался Генри.

– Нет, он твой. Отец Агнес подарил его дочери в приданое, и она могла делать с помещением все, что пожелает. Передай Роберту эти мои слова, ибо именно я составлял бумаги на владение Оттерли. Поищи в ее вещах, и ты найдешь эти бумаги. У Роберта Линдси есть такие же. Он отлично знает, что Оттерли принадлежит тебе, просто решил посмотреть, нельзя ли выманить его хитростью. Я засвидетельствую правду перед любым судом. Если скажешь это шурина, сразу заткнешь ему рот.

– Спасибо! – с благодарностью выпалил Генри.

– А тебе советую после года траура искать другую же-ну, – жизнерадостно заключил Хью. – Моя кузина была хорошей женщиной. Будет трудно найти другую такую же.

– Я уже выбрал невесту. Пойми, нет времени скорбеть об Агнес целый год. Ты не станешь жить вечно, Хью, а ведь, сам знаешь, я хочу, чтобы мой сын женился на Розамунде. Даст Бог, парнишка хотя бы пойдет ножками, когда это случится, – откровенно заявил Генри.

– Вот как, – промямлил Хью, не зная, то ли сердиться, то ли забавляться подобным бессердечием. Значит, по бедняжке Агнес некому будет плакать.

– Ее зовут Мейвис, она дочь фригольдера с маленьким владением, граничащим с Оттерли. Отец дает ей в приданое треть своих земель из тех, что примыкают к моим. Мы поженимся после Пасхи. Она молода и, должно быть, плодovита.

– И все же она всего лишь младшая дочь, – пронзительно заметил Хью.

– Ее братец наплодил уже с полдюжины сыновей, а у отца полно детишек от любовницы. Мать Мейвис – женщина холодная. Хорошо, что дочь пошла не в нее, – хмыкнул Генри. – Я уже залез ей под юбку, а она только просила еще.

– Надеюсь, она была девственна, – подлил масла в огонь Хью. – Ты должен быть уверен, Генри, что в жилах первенца течет твоя кровь.

– Уж в этом не сомневайся, – заверил Генри. – Я сунул в нее палец перед тем, как употребить впервые, причем по требованию отца.

– Ты, конечно, привезешь невесту сюда и познакомишь с Розамундой, прежде чем наградить ребенком, – сказал Хью.

– Обязательно. А как Фрайарсгейт? Процветает?

Хью кивнул:

– Не сомневайся. В конце зимы был неплохой окот, да и много коров отелились. Хлеб поднялся дружно, да и фруктов, похоже, будет много. Год должен быть урожайным.

– Как насчет шотландцев?

– Держатся своей стороны границы, – отмахнулся Хью.

– Вот это прекрасная весть. Мне сказали, что они избегают Фрайарсгейта, потому что здешние холмы слишком круты и перегонять украденный скот почти невозможно, но с этими разбойниками никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Так что держи ухо востро, – напыщенно посоветовал Генри.

– Обязательно, Генри. Обязательно, – пообещал Хью.

Родственник убрался на следующее утро. Розамунда пришла попрощаться с дядей. Он внимательно оглядел ее в последний раз. Ничего не скажешь, здоровая сучонка и сильно подросла. В рыжих волосах переливались золотистые отблески. Янтарные глаза вопросительно уставились на него, прежде чем ресницы скромно опустились и девочка низко присела.

– Что же, племянница, не знаю, когда снова выберу время навестить тебя, – буркнул Генри. – В следующий раз привезу твою новую тетю, договорились?

– Ты всегда желанный гость во Фрайарсгейте, дядя, – ответила Розамунда, вручая ему маленький квадратик, завернутый в шерсть и перевязанный ниткой.

– Что это? – удивился он.

– Это брусочек верескового мыла, которое я сама сварила для твоей невесты, дядя, – пояснила Розамунда.

Генри Болтон потерял дар речи. Он был не настолько бесчувствен, чтобы не понять, что племянница не слишком его жалует. Но подарок для Мейвис?! Поразительный жест для столь юной особы.

– Я отвезу ей мыло, и большое тебе спасибо, Розамунда. Твои манеры безупречны, и я рад, что ты учишься обязанностям жены и хозяйки.

– Владелица Фрайарсгейта обязана знать много вещей, дядюшка. Я молода, но уже способна учиться, – пояснила Розамунда и, снова присев в реверансе, отошла к мужу.

– Розамунда сварила мыло, чтобы содержать в чистоте домашних всю долгую зиму, – поспешно вмешался Хью, прежде чем Болтон смог задуматься над словами племянницы. Сейчас самое главное – осмотрительность. Нужно объяснить Розамунде, что не следует так откровенничать. Он радушно улыбнулся Генри. – С Богом.

– С Богом, дядя, и пусть Он защитит вас, – вторила Розамунда и, взяв за руку Хью, проводила взглядом отъезжавшего. – Если бы он только знал, – задумчиво шепнула она.

– Но он не узнает, пока не станет слишком поздно, – усмехнулся Хью.

Розамунда согласно кивнула.

– Не узнает, – подтвердила она.

Глава 2

За последующие несколько лет Розамунда превратилась из очаровательной милой малышки в неуклюжего подростка: длинные тонкие руки и ноги и непокорные волосы. Генри навестил их всего один раз. Он привез с собой молодую жену, Мейвис, грудастую особу лет шестнадцати, с настороженным взглядом. Мейвис поблагодарила Розамунду за подарок и, не скрывая зависти, восхищалась домом и землями Фрайарсгейта.

– Генри твердит, что наш сын когда-нибудь станет твоим мужем, – нагло заявила она девочке. – Прекрасное будущее для него!

– Ты носишь дитя? – с притворной наивностью осведомилась она.

Мейвис хихикнула.

– Должно быть, учитывая, как любит резвиться в постели твой дядюшка, но с ребенком о таких вещах говорить не подобает.

– А вдруг ты родишь дочь? Моя бедная тетя Агнес разрешилась дочерью, – с милой улыбкой заметила Розамунда.

– Не дай Господь и его мать, Пресвятая Дева! – воскликнула Мейвис, крестясь. – Твой дядя хочет сыновей. Я поставлю в церкви сотню свечек, лишь бы желания моего супруга исполнились. Злая девчонка! Как у тебя язык поворачивается упоминать о дочерях! Может, это ты сглазила первую жену дяди и довела ее до смерти?

– Не будь дурочкой! – презрительно бросила Розамунда. – С тех пор как я распрощалась с тетей, мы так и не увиделись до самой ее кончины. К тому же я любила Агнес.

Розамунда решила, что у этой Мейвис мозгов меньше, чем у дойной коровы.

– Кстати, расскажи, если знаешь, что случилось с моей кузиной Джулией.

– Когда ее отнимут от груди, сразу же отправят в монастырь Святой Маргариты, где будут готовить к пострижению в монахини, – объявила Мейвис. – Не желаю я растить дочь другой женщины! Кроме того, в монастырь придется внести меньше денег, чем потребует в приданое любой мужчина. Твоя тетя Агнес была не больно красива, а Генри утверждает, что девчонка пошла в мать.

– Утешительно сознавать, что моя кузина в безопасности, – сухо заметила Розамунда. Как печально, что от ее бедной маленькой кузины можно избавиться столь легко и безжалостно!

Она вдруг поняла, что, если бы не Фрайарсгейт, Генри Болтон не задумываясь сделал бы с ней то же самое.

Розамунда облегченно вздохнула, проводив дядюшку и его новую супругу.

Следующие три года от них с пугающей регулярностью приходили новости о рождении все новых сыновей. Четвертый ребенок оказался девочкой, после чего они больше не слышали о плодовитости Мейвис Болтон. Дядя Розамунды не показывался. Оставалось только гадать насчет кузенов. Возможно, все они такие же светловолосые, голубоглазые и некрасивые, как их мамаша. Старший, названный Генри в честь отца, очевидно, предназначен ей в мужья. Словно она безропотно согласится выйти замуж за несмышленного младенца! Да ведь ей уже почти двенадцать!

Теперь она могла легко читать любые тексты, обладала прекрасным почерком и вела счетные книги. Знала, как приобрести те товары, которые не производились в поместье, и как изготовить остальные прямо здесь, во Фрайарсгейте, четко представляла, что необходимо обитателям поместья для повседневной жизни. Умело торговалась, когда вместе с Хью и Эдмундом приезжала в ближайший город на ярмарки скота. С первого взгляда могла определить достоинства и недостатки коня и даже начала разводить лошадей на продажу.

Розамунда также живо интересовалась овцами. В отличие от многих ферм, продававших посредникам настриженную шерсть, поместье Фрайарсгейт свою обрабатывало. После стрижки животных шерсть промывалась, сушилась и вычесывалась дважды, чтобы добиться исключительной тонкости и, следовательно, повышенных цен на рынках Йорка и Лондона. Потом шерсть красилась в разные цвета, в основном в прелестный золотисто-коричневый, красный и зеленый. Но шерсть Фрайарсгейта главным образом славилась поразительным синим цветом, которого никто другой не мог добиться. Поэтому продукция Фрайарсгейта считалась лучшей не только во всей округе, но и в столице. Дядя Эдмунд доверил секрет хозяйке в тот день, когда ей исполнилось десять лет. Это и был его подарок племяннице. Он объявил, что Розамунда уже достаточно взрослая, чтобы знать правду, но при этом подчеркнул, что она не должна никому открывать тайну и передать рецепт только своему наследнику или наследнице Фрайарсгейта.

Розамунда серьезно кивнула, полностью понимая важность слов дяди.

– Я не должна делиться своими знаниями ни с кем? – тихо спросила она.

– Ни с кем, – подтвердил Эдмунд.

– Но каким образом мы получаем такие чистые и яркие цвета? – допытывалась она. – Я видела шерсть из других поместий, и она не такая красивая, как наша. Как мы это делаем? У краски есть какой-то секрет?

Эдмунд лукаво хмыкнул.

– Мы закрепляем цвет овечьей мочой, – объяснил он, широко улыбаясь. – Вот и вся тайна. В красильном чане оттенок темнее, но, как только вымочишь шерсть в моче, она приобретает тот знаменитый цвет, который так ценят покупатели.

Розамунда рассмеялась. Боже, как просто и как захватительно! Жаль, что она не имеет права никому ничего говорить! Но раз дядя Эдмунд запрещает, так тому и быть.

Выкрашенную шерсть распределяли между домами, где ее прядли на станках, стоявших в отдельных каморках. Таким образом, сырье не впитывало запахов дыма или еды и не подвергалось нагреванию, что могло испортить нежную окраску. Из длинных нитей ткалась тонкая и очень дорогая материя, на которую был большой спрос. Из нитей покороче валялся высокосортный фетр.

Розамунда изучила весь процесс и очень этим гордилась. Хью и Эдмунд, в свою очередь, гордились ею. Ребенок, которого они оба так любили, превращался в молодую женщину с неутолимой страстью к знаниям. Жаль только, что им больше было нечему ее учить.

Незадолго до ее тринадцатилетия, холодной зимой, Хью Кэбот сильно простудился, и выздоровление затянулось. Именно этой весной Генри Болтон вдруг вспомнил о племяннице и заявился во Фрайарсгейт, впервые за несколько лет. Его сопровождал сын, пятилетний Генри. Странно, что он так точно выбрал время...

Розамунда не без основания заподозрила, что среди ее слуг есть доносчик.

– Узнай, – коротко приказала она Эдмунду.

Генри Болтон критически обозрел племянницу. Ничего не скажешь, уже не дитя. Высокая, стройная, лиф платья из синей шерсти тесно облегает упругие грудки. Черт возьми, как она налилась!

– Сколько тебе лет, девочка? – осведомился он.

– Добро пожаловать во Фрайарсгейт, дядя, – приветствовала Розамунда, приседая в элегантном реверансе. – Через несколько недель мне исполнится тринадцать.

И, сопровождая слова грациозным взмахом руки, пригласила:

– Зайдите в зал, я велю принести чего-нибудь освежающего.

Она повернулась и пошла вперед, указывая дорогу. Синие юбки соблазнительно покачивались.

– Как поживает тетя? – вежливо поинтересовалась она. – Долл, принеси вина дяде и сидра для его маленького сына.

Служанка поспешно удалилась.

– Я стану твоим мужем, девушка, – громко объявил мальчик. Розамунде он показался слишком маленьким для пятилетнего ребенка. Он и в самом деле походил на мать: светлые волосы, голубые глаза и бычий лоб. В нем не было ничего от Болтонов, кроме упрямо торчащего подбородка, весьма сильно напомнившего о дяде Генри.

– Меня зовут Розамунда. Я твоя кузина, и у меня уже есть муж, – напомнила она.

– Муж, который умирает, – нагло заявил мальчишка. – И ты, и Фрайарсгейт скоро перейдут ко мне!

Он стоял, расставив ноги и злобно пялясь на нее.

– Он дурно воспитан, дядя, – заметила Розамунда, игнорируя Генри-младшего. – Неужели ты не порешь его? Впрочем, это и так ясно.

Она уселась у камина, жестом приглашая дядю сделать то же самое.

Застигнутый врасплох холодным обращением, Генри Болтон тяжело плюхнулся на стул.

– Парень просто чересчур боек, вот и все, – оправдывал он сына. – Когда-нибудь вырастет хорошим человеком. Вот увидишь.

– Возможно, и увижу. Ну а теперь, дядя, расскажи, что привело тебя во Фрайарсгейт? Прошло много лет с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Неужели я не могу навестить свою племянницу после долгой разлуки и привезти юного Генри, чтобы он познакомился с будущей женой? – обиженно запротестовал Болтон.

– Ты ничего не делаешь без причины, дядя. Это я усвоила едва ли не с детства. Ты не был здесь бог знает сколько времени, считая, что Хью присмотрит за всеми делами и позаботится о поместье. Теперь же, узнав о болезни моего мужа, сразу примчался, захватив с собой избалованное отродье, дабы увидеть своими глазами, что творится в этом доме, – резко парировала она.

– Думаю, это тебе необходима хорошая трепка, Розамунда! – прорычал Генри. – Как ты смеешь говорить со мной подобным тоном?! Я твой опекун.

– Ты отказался от своих прав, когда выдал меня замуж, – отрезала она.

– А когда твой муж умрет, ты снова станешь моей подопечной, – пригрозил Генри, – так что лучше тебе прикусить язычок, пока не поздно. Я привез с собой брачный контракт, и ты его подпишешь. Когда придет время, на нем поставят дату, но твоя подпись появится сегодня. Не позволю, чтобы кто-то украл тебя и Фрайарсгейт у меня из-под носа после того, как я был так терпелив!

– Я ничего не стану подписывать без разрешения мужа, – отказалась Розамунда. – Если попытаешься принудить меня, я пожалуюсь церкви. Вряд ли святые отцы одобряют твое самоуправство, дядюшка. Я больше не тот перепуганный покорный ребенок, которого можно сломить угрозами. А, вот и вино. Выпей, дядюшка. Ты выглядишь положительно взволнованным и побагровел, как вареная свекла.

Она поднесла свой кубок к губам и деликатно пригубила.

На какой-то момент глаза Генри Болтона застлало красной пеленой, но, последовав совету племянницы, он залпом выпил вино, пытаясь успокоиться и не обращать внимания на стук крови в ушах. Девушка, сидевшая перед ним с таким уверенным видом, была более чем просто смазлива. И разве старая графиня Ричмонд родила короля Генриха VII не в тринадцать лет? Его племянница больше не дитя. Она уже почти женщина, к тому же обладающая волей и сильным характером. Как, черт возьми, все это произошло за каких-то шесть лет?

Сердце Генри неожиданно стиснула безжалостная лапа. Но он попытался взять себя в руки. Янтарноглазая сучка спокойно взирала на него.

– С тобой все в порядке, дядя? – сочувственно спросила она.

– Я хочу видеть Хью, – потребовал он.

– Разумеется, но тебе придется подождать, пока он проснется. Хотя его ум по-прежнему ясен, сил осталось мало. Он почти все время спит. Я немедленно сообщу о твоём прибытии, как только он откроет глаза.

Розамунда поднялась, расправляя юбки.

– Грейтесь пока у огня, а я велю принести еще вина. Сейчас мне придется вас оставить.

– Куда ты идешь? – прохрипел Болтон.

– У меня много работы, дядя.

– Какой еще работы? – взорвался он.

– Настала весна, а весной всегда дел немало. Я должна подвести счета за месяц, распорядиться о вспашке, проверить, сколько семян понадобится для посева. Да и ягнят родилось больше, чем ожидалось. Нужно расчистить новый луг, засеяв травой, чтобы хватило для всех овец. Я не какая-нибудь изнеженная леди, у которой только и занятий, что сидеть у огня и развлекать гостей.

– Но к чему тебе все это? – прошипел Генри.

– Я хозяйка Фрайарсгейта, дядюшка. Не мог же ты ожидать, что я всю жизнь просижу за вышиванием, ткацким станком да буду с утра до вечера варить мыло и солить мясо!

– Но все это занятия, подходящие женщинам, черт побери! – не выдержал Болтон. – Именно им и надо посвящать свое время! Тебе следовало оставить мужчинам управление поместьем!

Его лицо снова налилось синевато-фиолетовой краской.

– Вздор! – как ни в чем не бывало возразила Розамунда. – Но, чтобы успокоить тебя, дядя, могу поклясться, что умею делать все вышеперечисленное. Однако Фрайарсгейт принадлежит мне, и мой долг, как владелицы поместья, – заботиться о благополучии моих людей. Ненавижу лень и праздность.

– Я хочу поговорить с Хью! – почти завопил Генри.

– Обязательно, дядюшка, в свое время, – преспокойно ответила Розамунда, не повышая голоса, перед тем как покинуть зал. Позади раздавались протестующие крики Болтона и капризный визг его сыночка:

– Она противная, отец, противная! Я хочу другую жену!

– Заткни свой рот! – бешено заорал Генри на своего наследника.

Розамунда, ехидно усмехаясь, поспешила к мужу, который и в самом деле отдыхал в своей спальне. Заметив проходившую мимо служанку, она приказала:

– Найди Эдмунда Болтона и пошли его в покои хозяина. Пусть не показывается в зале, где сидит мой дядя.

Женщина понимающе кивнула и помчалась выполнять поручение.

Войдя в комнату, Розамунда застала Хью сидящим в кровати. Он сильно похудел и осунулся, но яркие голубые глаза по-прежнему оставались пронизательными и полными интереса ко всему окружающему.

– Я слышал, у нас гость, – сказал он с легкой улыбкой.

Розамунда рассмеялась.

– Клянусь, милорд, вы узнаете все куда раньше меня, – заметила она, садясь на мужнину кровать. – По-моему, Хью, среди наших людей есть доносчик. Я велела Эдмунду найти его. Только у нас не один гость, а два. Дядя привел ко мне очередного мужа.

– И тебе он понравился, Розамунда? – поддразнил Хью с лукавой улыбкой, изогнувшей его тонкие губы.

– Спесивое, тупоголовое, избалованное отродье, судя по всему, что я видела. Пыжится, как дворовый петушок, при всем том, что ненамного его перерос.

Хью рассмеялся, но тут же закашлялся, отстраняя поднесенную Розамундой чашку:

– Нет, девочка, ни к чему это.

– Хочешь сказать, что тебе это не нравится, – мягко упрекнула она, – но травяной настой и в самом деле унимает твой кашель, Хью.

– И на вкус хуже болотной воды, – добродушно проворчал он, но все же выпил несколько глотков снадобья, чтобы угодить жене.

– Дядя хотел видеть тебя. Ты сможешь его вынести? Я и близко не подпущу его, если ты не захочешь, – серьезно заявила она. – Я не желаю терять тебя, мой дорогой старичок.

Хью улыбнулся и погладил Розамунду по руке.

– Рано или поздно это случится, дорогая. И боюсь, что довольно скоро. Нет, не качай головой, Розамунда. Я учил тебя быть более практичной и не позволять эмоциям затмевать разум.

– Хью! – тихо упрекнула она.

– Розамунда, я умираю, но не страшись моего ухода. Я сделал все, чтобы уберечь тебя от Генри Болтона.

Он откинулся на подушки и закрыл глаза.

– Что именно? – допытывалась она. – Что ты предпринял, мой дорогой Хью? Не думаешь ли ты, что я должна знать, какая судьба меня ожидает?

Интересно, что он придумал? Недаром они с Эдмундом всю зиму о чем-то таинственно перешептывались.

– Лучше тебе не ведать этого, пока не придет час, – посоветовал Хью. – Таким образом твой дядя не сможет обвинить тебя в сговоре со мной, направленном на то, чтобы обманом лишиться его Фрайарсгейта.

– Фрайарсгейт не его и никогда ему не принадлежал! – раздраженно бросила Розамунда.

Хью поднял веки и устремил на девочку строгий взгляд.

– Мы с тобой знаем это, но Генри Болтон до самой своей смерти будет убежден в обратном. Я уверен, что он не остановится даже перед убийством, если посчитает, что оно сойдет ему с рук. Поэтому тебя нужно защитить таким образом, чтобы он не посмел причинить тебе зла. Ты уже не ребенок. И когда твой дядя поймет, что ты стала взрослой женщиной, жди беды.

– А ему ты скажешь, как собираешься меня уберечь? – полюбопытствовала она.

Хью хитро прищурился:

– Ни за что. Но когда он попытается завладеть и тобой, и землями, ты получишь несказанное удовольствие, видя, как он взбесится, уяснив, что и то и другое вне его досягаемости.

– Но как мой дядя узнает, что ты сделал? – не унималась девочка.

До чего же он бледен! И крохотные голубые вены на веках почти почернели.

– Один влиятельный лорд кое-чем мне обязан. Я попросил одного из его людей приехать. Он уже в пути. Кроме того, Эдмунду все известно, – таинственно пробормотал Хью.

– Надеюсь, ты не устроил очередного брака для меня? – нервно заметила Розамунда.

– Я не имею на это никаких прав, – воскликнул Хью, – и никогда не пойду на такое! Ты сама должна выбрать себе жениха!

– О, Хью, как мне тяжело расставаться с тобой. Знаешь, я вправду тебя полюбила. Не так, как женщина мужчину, я ничего не знаю о подобной любви, но все равно люблю тебя. С того времени как умерли мои родители, я еще никогда не была так счастлива, как с тобой! – призналась она.

– И я люблю тебя, дорогая, – тихо вторил Хью. – Ты стала мне дочерью, ребенком, которого у меня никогда не было. Только благодаря тебе мои последние годы прошли в покое

и радости. Я знаю, ты с честью похоронишь меня и поставишь камень на могиле. Это куда больше того, на что я мог надеяться, Розамунда.

– О, это такая малость, – возразила она, – тем более что ты так много дал мне, мой милый муженек.

Ее тонкие пальчики сомкнулись вокруг костлявого холодного запястья, словно даря юное тепло умирающему.

Хью снова закрыл глаза, чуть улыбаясь.

– Я увижусь с ним после ужина. Будем надеяться, что с полным животом Генри Болтон будет менее воинственным. Принеси мне немного бульона, дорогая. Это все, что я смогу проглотить. А теперь можно немного поспать.

Девочка выпустила его руку, встала и, прикрыв его грудь одеялом, поцеловала в лоб.

– Я сама принесу бульон и покормлю тебя, – пообещала она, покидая комнату.

Ничего не поделаешь, он вправду умирает, впервые призналась она себе. Слезы обожгли ее глаза, и она яростно их сморгнула. Хью прав. Нельзя позволять эмоциям брать верх над здравым смыслом! Не сейчас! Сейчас самое важное – здравый рассудок, это необходимо и для нее, и для всего Фрайарсгейта.

Вернувшись в зал, она сообщила дяде:

– Мой муж примет тебя после ужина. Он очень слаб. Ты не должен утомлять его.

– Почему не сейчас? – раздраженно буркнул Генри. – Возмутительно! Хью Кэбот ведет себя словно знатный лорд! Будто не я способствовал его высокому положению! Он обязан почитать и уважать меня, а на деле задирает нос!

– Он умирает, дядя, и, по правде говоря, ты выдал меня за него, чтобы защитить свои интересы и приберечь для себя Фрайарсгейт. Но должна напомнить, что поместье принадлежит мне. Не тебе. Тебе всегда было все равно, что будет со мной, главное, чтобы Фрайарсгейт не уплыл из твоих рук! Но Господь недаром защищает беспомощных, сирых и невинных. Хью Кэбот – хороший человек, хотя для тебя это вряд ли имеет значение.

– Ты считаешь его хорошим, потому что старый дурак позволял тебе своевольничать! Судя по дерзким выходкам и вольным словам, он мало тебя бил, если бил вообще! – рявкнул Болтон. – Видно, придется проучить тебя как следует, но когда я с тобой разделаюсь, мигом получу покорную и услужливую жену для своего сына.

– Того наглого сопляка, которого родила тебе твоя корова-жена? Он никогда не будет моим мужем, дядюшка! Выброси это из головы! На этот раз я сама выберу себе супруга, но только после того, как проношу траур целый год в память о моем Хью, как принято среди порядочных людей. Попытайся навязать мне своего задиристого петушка, и, клянусь, ты горько пожалеешь.

– Ты будешь делать, как я велю, черт побери! Я твой дядя и имею над тобой власть! – раскричался Генри.

– Госпожа, ужин готов, – вмешалась Мейбл, входя в зал. – Пора к столу.

– Дядя, ты, разумеется, голоден, и мой кузен тоже. Мейбл права. Нужно идти, пока еда не остыла. Потом ты поговоришь с моим мужем.

Розамунда снова превратилась в гостеприимную хозяйку, хорошо воспитанную владелицу богатого поместья. Она повела рассерженного родственника и его сына к столу и сама наполнила их оловянные тарелки говядиной и гусятиной. Положив кроличье жаркое в хлебные корки, Мейбл наклонила последний бочонок октябрьского эля над оловянным кубком Генри и налила сидра его сыну. Розамунда положила перед дядей хлеб, сливочное масло и ломоть твердого сыра.

Генри стал есть, и гнев постепенно рассеивался. Он был очень доволен, заметив, что еда превосходна: вкусная, горячая и свежая. Не пережаренная, не изобилует пряностями, запахом которых нерадивые хозяйки часто скрывали смрад гнили или разложения. Он про-

ткнул ножом кусок говядины и принялся жадно жевать. Куски от каравая он отрывал руками, масло намазывал пальцем. Мейбл постоянно подливала эля, и Генри осушал кубок за кубком. Эль был чистым и забористым, так что еда казалась еще вкуснее.

Розамунда ела мало и вскоре поднялась.

– Прошу меня простить, я должна покормить мужа. Мальчик, когда ты поужинаешь, тебе подадут сладкое.

Она презрительно оглядела кузена и громко заметила:

– Дядя, он совершенно невоспитан! Неужели твоя жена ничему его не учит?

И прежде чем Генри Болтон успел запротестовать, вышла из зала.

– Для чего тебе ложка? – прошипел он сыну. – И почему ты ешь руками, как грязный крестьянин?

– У меня нет ложки, – проныл мальчишка.

– А это что? – прикрикнул он на сына. – Черт побери, веди себя прилично! Сучонка права! Никаких манер! Ничего, я еще потолкую насчет этого с твоей мамашей!

Позади зала, соединенная с домом каменной колоннадой, находилась кухня. Между колоннами с обеих сторон разбили огороды. Над ними возвышалась беседка, увитая начинавшими зеленеть лозами. Розамунда прошла в кухню. Похвалив кухарку за хороший обед, она налила в миску бульона, взяла ломтик хлеба и поспешила наверх, в покои мужа. Он уже не спал и приветливо улыбнулся девочке. Та улыбнулась в ответ и, поставив миску, вынула из кармана юбки салфетку и подвязала под подбородком мужа. Потом разломала хлеб на мелкие кусочки, высыпала в бульон и принялась кормить Хью.

Он ел медленно и с трудом: ему было больно глотать. Съев несколько ложек, он поднял руку в знак того, что наелся, хотя миска оставалась почти полной.

– Больше не могу, дорогая, – прохрипел он.

– Еще пару глоточков, – упрашивала Розамунда, но Хью покачал головой. – О, дорогой, как же ты выздоровеешь, если не будешь есть?

Ее янтарные глаза так и светились участием.

– Розамунда! – укоризненно прошептал он.

– Знаю, – кивнула она, – но я не хочу, чтобы ты уходил.

Хью снова усмехнулся.

– Поверь, Розамунда, я больше всего на свете жажду остаться с тобой. Через год-другой ты расцветешь и станешь настоящей красавицей. О, как бы я хотел быть свидетелем твоих триумфов, но придется наблюдать за тобой из другого мира. Не сомневайся, пусть тело мое будет гнить в доброй земле Фрайарсгейта, дух будет всегда с тобой, моя дорогая жена и друг.

Розамунда отставила миску и, не в силах сдержаться, заплакала.

– Что я буду делать без тебя, Хью? – всхлипывала она.

Хью нежно погладил ее по плечу.

– Во всем доверься Эдмунду, и обещаю, что ты будешь иметь куда более могучего защитника, чем я, дорогая. А мои силы быстро убывают. Пошли ко мне Генри Болтона.

Розамунда нехотя поднялась, вытирая глаза рукавом.

– Я посижу с тобой после его ухода, – пообещала она.

– Буду ждать, – едва слышно прохрипел он.

Девочка растянула губы в невеселой улыбке и вышла из комнаты. Дядя как раз успел все доесть и сейчас вытирал начисто тарелку кусочком хлеба. Кузен яростно орудовал ложкой, запихивая в рот куски яблочного пирога с кремом.

– Хью хочет поговорить с тобой, дядя. Постарайся не утомлять его, – попросила она. Ее голос дрожал.

Генри Болтон недовольно уставился на племянницу.

– Ты в самом деле равнодушна к нему? – буркнул он, подозрительно хмурясь. – Он, случайно, не забавлялся с тобой?

Розамунда прекрасно поняла, что он имеет в виду, и ответила пренебрежительным взглядом.

– Он мне как отец. До чего же грешные и непристойные у тебя мысли! Но поверь, я постараюсь потерять невинность задолго до того, как ты попытаешься обвенчать меня со своим отродьем.

Видя потрясенный взгляд дяди, она ехидно усмехнулась.

– Тебе и в самом деле нужна розга, наглая ты девчонка! – прорычал Генри.

– Попробуй поднять на меня руку, если посмеешь, конечно, и станешь калекой, обещаю. Я отсеку ее топором, – спокойно пообещала Розамунда. – А теперь иди, поговори с моим мужем, пока еще способен ворочать языком.

Генри Болтон почти выбежал из зала. Ему совсем не нравилось поведение племянницы и ее манера обращаться с ним. Что случилось с испуганной покорной малышкой, которой она когда-то была? Не для того он дал племяннице в мужья Хью Кэбота, чтобы превращать ее в независимую и, очевидно, грамотную особу! От Хью требовалось лишь защищать интересы Генри, и ничего больше, с тем чтобы после его смерти Розамунда могла благополучно выйти за Генри-младшего. Но эта языкастая, чертовски самоуверенная девица еще смеет так с ним разговаривать!

– Мне это не нравится, – пробормотал он себе под нос. – Совсем не нравится.

Но ничего, если Кэбот в самом деле умирает, Розамунда скоро окажется в его власти, и тогда он быстро возьмет ее в руки, особенно если Хью подпишет брачный контракт между ней и молодым Генри Болтоном.

Он открыл дверь спальни и переступил порог.

– Добрый вечер, Хью! – приветствовал он, откровенно пораженный увиденным. Судя по всему, Кэбот действительно умирает. От него осталась одна тень, только глаза жили на изможденном лице, доказывая, что дух еще силен.

– Заходи, Генри Болтон, и садись рядом, – пригласил Хью. – Давненько мы тебя не видели. Твоя добрая жена здорова?

– Да, – коротко бросил Генри. – Розамунда говорит, что я не должен тебя утомлять, поэтому сразу перейду к делу.

– Разумеется, – кивнул Хью.

– Я прослышал, что ты умираешь, и теперь вижу, что это правда, – без обиняков начал Генри. – По закону ты – господин и хозяин моей племянницы, получивший такое право при женитьбе на ней, и, следовательно, обязан обеспечить будущее своей вдовы перед тем, как расстанешься с жизнью.

– Совершенно верно, – согласился Хью.

– Я привез брачный контракт Розамунды и моего сына, Генри-младшего. Розамунда, конечно, станет носить по тебе траур весь год, но контракт должен быть подписан заранее, чтобы отпраздновать свадьбу сразу, как только она тебя оплатит.

– Вижу, как ты заботишься о племяннице, Генри, – усмехнулся Хью. – Однако я уже позаботился о будущем своей жены, чтобы, когда меня не станет, она могла жить спокойно.

Генри от изумления на минуту потерял дар речи.

– Ты не смеешь! – вскричал он наконец.

– Почему же? По английским законам я единственный, кто имеет над ней права, – проговорил Хью, невероятно наслаждаясь происходящим.

– Но я ее ближайший родственник! – взвизгнул Генри.

– А я – ее супруг благодаря тебе, – парировал Хью. – Права мужа превыше прав всех родственников, вместе взятых. Ты не получишь ни Розамунды, ни Фрайарсгейта для своего наследника.

– Ты немедленно подпишешь контракт! – не отступал Генри.

И тут Хью не сдержался. Он никогда не ожидал увидеть отчаяние в глазах Генри, услышать мольбу в его голосе, но, как оказалось, ошибся. И теперь разразился неудержимым смехом. На беду, смех перешел в приступ кашля. Хью стал задыхаться и судорожно потянулся к кубку с настоем, приготовленным женой. Но Генри, видя это, отодвинул кубок подальше. Чувствуя, как останавливается сердце, Хью понимающе уставился на него голубыми глазами, в которых так и не погасло веселье. Губы беззвучно зашевелились, прежде чем с них слетели последние слова.

– Ты проиграл! – выдохнул Хью, падая на подушки. Лицо постепенно накрывали смертные тени.

Генри тихо выругался, подвигая кубок ближе к своей жертве, чтобы никто не догадался о случившемся. Ему так и не удалось получить подпись Хью, а на подделку он не осмеливался. Все же теперь, со смертью Кэбота, он снова обрел власть над племянницей. Она сделает так, как потребует он, иначе он просто задушит ее голыми руками.

Генри прикрыл глаза умершему, вышел из спальни и, вернувшись в зал, объявил:

– Твой муж снова заснул, Розамунда, и передал, что поговорит с тобой завтра.

– Ты останешься на ночь, дядя? – осведомилась она. – Я отведу тебя и кузена в спальню.

– Покажи юному Генри дорогу, девочка. Я знаю, где в этом доме комнаты для гостей.

Пожалуй, проживу тут немного. Но сначала принеси мне вина.

Она выполнила просьбу, а потом повела кузена в комнату для гостей, пожелала доброй ночи и поспешно удалилась, решив посмотреть, хорошо ли себя чувствует Хью. Но, к своему величайшему потрясению, обнаружила, что муж мертв.

Сдержав крик тоски, она позвала служанку и велела:

– Немедленно беги за мастером Эдмундом. Смотри, чтобы мой дядя тебя не заметил.

И позови сюда Мейбл.

Она уже послала за Эдмундом, но тот не явился, очевидно, его не было поблизости. Хоть бы сейчас он оказался в доме.

Служанка кивнула и снова оставила ее одну. Вошедшая Мейбл немедленно поняла, что случилось, и в ужасе прижала ладонь ко рту.

– Как? – воскликнула она.

– Мы должны подождать Эдмунда, – глухо объявила Розамунда и, усевшись рядом с усопшим мужем, взяла его остывающую ладонь, словно этим могла вернуть жизнь.

Наконец в спальне появился Эдмунд и, сам того не зная, повторил вопрос жены:

– Как?!

– Подозреваю, к этому приложил руку дядюшка Генри, – пояснила Розамунда. – Ничего, он свое получит.

Слезы потоком струились по ее бледному лицу.

– Расскажи, – попросил Эдмунд. – Если сумеешь убедить меня, я сам его прикончу и обставлю все так, будто произошел несчастный случай.

Его серые глаза были очень серьезны.

– Он пошел поговорить с Хью, а вернувшись, сказал, что Хью заснул, но велел передать, что поговорит со мной утром. Я оставила дядю в зале, отвела его отродье спать, а когда пришла в спальню, обнаружила, что мой муж мертв.

Эдмунд нагнулся и тщательно осмотрел леденеющее тело старого друга. Ни малейшего признака насильственной смерти. На тонких синих губах даже играла легкая улыбка.

Выпрямившись, Эдмунд покачал головой:

– Розамунда, он умер своей смертью. Мы этого ожидали. – Он обнял измученную племянницу. – Ты вне себя от горя, дитя мое. Все случилось быстрее, чем мы предполагали.

– Генри Болтон виноват в его смерти, – упрямо твердила Розамунда. – Не знаю, каким образом, но чувствую это сердцем. Хью был бодр и весел, когда я его оставила. Кого же еще винить?

– Даже если ты права, Розамунда, доказательств все равно нет. Хью был смертельно болен, и все это знали. Однако, поскольку Генри не ведает, что он скончался, или хочет, чтобы мы поверили, будто он тут ни при чем, мы ничего не скажем ему до утра. Где мой брат сейчас?

– Потягивает вино в зале. Сомневаюсь, что он сильно изменился, а это означает, что пока не напьется до полусмерти, с места не встанет, – с горечью ответила Розамунда и, глубоко вздохнув, расправила плечи. – Мы с Мейбл приготовим тело моего мужа к похоронам. Эдмунд, ты обнаружил доносчика?

– Нет, племянница. Возможно, кто-то просто распустил язык, не думая ни о чем плохом. Сама знаешь, с какой быстротой разносятся слухи!

– Я приказываю положить моего мужа в зале, чтобы все могли отдать ему последние почести, – объявила Розамунда. – И всю ночь стану молиться у его смертного ложа. Вряд ли дядюшка заметит это в своем пьяном бреду.

Она вопросительно взглянула на Эдмунда:

– Хью говорил, что нашел средство защитить меня от Генри и что ты знаешь, в чем дело.

– Знаю, – тихо хмыкнул Эдмунд. – Мой братец не знал, что совершает роковую ошибку, выдавая тебя за Хью Кэбота, и что Фрайарсгейт навеки уплывет из его загребущих лап. Будь уверена, племянница, я не позволю Генри захватить тебя и Фрайарсгейт и заставлю уважать последнее желание твоего мужа. Кое-кто уже на пути сюда. Хью надеялся сам встретить гонца, но он скоро будет здесь, и все станет ясным. Нам понадобится власть нашего гостя. Ты мне веришь?

– Всегда, дядя, – спокойно кивнула она.

Мейбл благоговейно перекрестилась и прижала Розамунду к пышной груди, сочувственно прищелкнув языком. К ее величайшему удивлению, девочка разрыдалась. Так долго копившиеся горести вырвались наружу.

Ни Мейбл, ни Эдмунд не произнесли ни слова, пока Розамунда изливала печаль.

Наконец она стихла, вытерла глаза рукавом, ощущая необычайные покой и облегчение. Она никогда не была плаксой и сейчас гордо выпрямилась и трянула головой:

– Давайте начнем. Нужно обмыть его и зашить в саван. Эдмунд позаботится о том, чтобы сколотили гроб и принесли наверх, в комнату Хью.

– Немедленно, госпожа, – кивнул Эдмунд и торопливо вышел.

– Все равно это Генри убил Хью, – настаивала Розамунда. – Пусть Эдмунд твердит, что не нашел на теле ни раны, ни синяка, я знаю, что это так. Когда-нибудь я отомщу!

– Думаю, Эдмунд не стал бы ничего скрывать от тебя, – задумчиво протянула Мейбл, – хотя это еще не значит, что ты не права. Чтобы справиться с таким слабым больным, достаточно прижать подушку к его рту.

Розамунда задумчиво кивнула:

– Он еще сильно пожалеет о том, что наделал. Я не позволю Хью уйти неотмщенным. Он был мне добрым другом. Это мой супружеский долг по отношению к нему.

Женщины стали готовить Хью к погребению: раздели и осторожно обмыли тело теплой водой из кувшина, стоявшего на углях камина. Мейбл подошла к сундуку, что стоял у изножья кровати, вытащила кусок полотна, оторвала длинную полосу и подвязала подбородок Хью, чтобы рот не открылся. Потом заколола повязку маленькой булавкой, а Розамунда

тем временем вынимала из сундука саван. Женщины с трудом уложили тело в полотняный мешок. Снаружи оказалась одна голова, но и ту прикроют перед самыми похоронами. Длинные руки сложили на груди и сверху придавили простым деревянным распятием. Розамунда осторожно пригладила серебристо-белые волосы мужа. И снова почувствовала, как слезы щиплют глаза, но на этот раз сумела взять себя в руки.

– Генри в самом деле пьян, – объявил вернувшийся Эдмунд. – Я велел оттащить его в постель. Пришли мужчины с гробом. Сейчас Хью снесут вниз и зажгут свечи по четырем углам гроба. Аналой с молитвенником ожидает тебя.

Розамунда кивнула и с последним взглядом на мужа покинула спальню. Когда гроб поместили на длинный стол, она сама зажгла свечи и преклонила колени в молитве.

– Я не сойду с места, пока его не опустят в могилу, – сказала она слугам. – Постарайтесь выкопать яму поглубже.

– Все будет сделано, – заверил Эдмунд и вопросительно взглянул на жену, но та повелительно махнула рукой, и он удалился.

– Я побуду с тобой, – предложила Мейбл.

– Нет, – отказалась Розамунда. – Предпочитаю побыть одна.

– Но, дитя мое... – запротестовала Мейбл.

– Я больше не дитя, – тихо ответила Розамунда. – Теперь иди, но возвращайся за час до рассвета.

Ее колени упирались в маленькую подушечку, руки были молитвенно сложены, голова низко склонена.

Мейбл горестно вздохнула. Нет, Розамунда уже не ребенок, но еще и не взрослая женщина. Что с ней будет теперь?

Она медленно вышла из зала. И без того все ясно. Генри Болтон выдаст племянницу замуж за своего мерзкого сыночка. Гадкий мальчишка, которого он привез с собой, станет новым хозяином Фрайарсгейта, а сама Розамунда будет в подчинении своего дядюшки.

Она снова вздохнула. Правда, Эдмунд говорил что-то насчет того, как умно Хью обеспечил безопасность Розамунды. Но, насколько она знает Генри, тот наверняка пренебрежет последней волей Хью, и они ничего не смогут сделать.

Расстроенная женщина вошла в спальню, где уже сидел муж.

– Ты оставила ее одну? – спросил он.

– Она так хотела, – пояснила Мейбл, снимая вуаль и опускаясь на сундук. – Я очень устала, муженек. А молодая хозяйка, разумеется, измучена еще больше и все же собирается молиться до восхода за добрую душу своего супруга.

И, немного помедлив, добавила:

– Думаешь, Розамунда права, утверждая, что Генри Болтон каким-то образом виновен в смерти Хью?

– Он сильно ослабел и едва дышал, – ответил Эдмунд, – но я не думал, что смерть придет за ним так рано. Правда, я не видел следов насилия, и вряд ли Генри отважился на преступление. На губах Хью даже играла слабая улыбка, словно перед смертью его что-то рассмешило. И все же его веки были кем-то закрыты. Хотя скорее всего Генри прикрыл глаза умершему. – Он пожал плечами: – Возможно, Хью просто пришло время отправляться к праотцам. Мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле. Поэтому следует придерживаться языка и хозяйку предупредить, чтобы сто раз подумала, прежде чем сказать что-то. Мы ничего не можем доказать. Мало ли какие подозрения или мысли у нас возникнут!

– Но что теперь будет? – тревожилась Мейбл. – Разве не ты сказал, что Хью позаботился о нашей Розамунде? Что он сделал такого, против чего твой брат бессилен?

– Немного терпения, жена, – хмыкнул Эдмунд. – Я буду держать язык за зубами до нужного момента. Обещаю, что Генри останется в дураках и ничего не сможет предпринять. Ни Розамунда, ни Фрайарсгейт никогда ему не достанутся.

– Если для того, чтобы увидеть чудо, нужно потерпеть, я все вытерплю, – пообещала Мейбл, снова вставая и принимаясь расшнуровывать платье. – Уже поздно. До утра осталось немного. Пойдем в постель, муженек.

– Согласен, – кивнул он, тоже вставая. – Завтра нас ждет долгий и трудный день.

Глава 3

– Твой муж мертв? – притворно удивился Генри Болтон. – Но в таком случае, племянница, мне не понадобится его подпись, чтобы выдать тебя за своего сына, не так ли? Ты снова под моей опекой и будешь делать, как тебе велено. – Он широко улыбнулся девочке. – Давай поскорее похороним его и покончим с этим. Думаю, мне стоит взять тебя с собой в Оттерли, чтобы наставить в правилах хорошего поведения, подобающего достойной жене. Хью вбил тебе в голову идеи, не подобающие твоему положению. Я же пойду против своих правил и поручу присматривать за Фрайарсгейтом бастарду моего отца, Эдмунду Болтону.

– Погребение состоится на закате, – твердо ответила Розамунда. – Арендаторы хотят оказать Хью последние почести и поэтому с самого рассвета приходят в дом.

Она говорила медленно и размеренно, хотя сердце трепыхалось, как пойманная птичка. Она просто сбежит, прежде чем позволит Генри Болтону разлучить ее с Фрайарсгейтом. Но Розамунда доверяла Эдмунду так же беззаветно, как Хью, упокой Господь его безгрешную душу.

– Если хочешь опустить его в землю вечером, мне придется остаться еще на одну ночь, – пожаловался Генри.

– Хью Кэбот был мне хорошим супругом, а здешним обитателям – добрым хозяином, дядюшка. И поэтому заслуживает достойных похорон. Я не позволю наспех бросить его в яму и засыпать землей только потому, что это устраивает тебя и твое отродье, – резко бросила Розамунда. Она была бледна как смерть. Под глазами темнели круги.

– О, как знаешь, – мрачно буркнул Генри. – Совсем неплохо провести еще одну ночь вдали от Мейвис и ее постоянного нытья. Но утром мы уезжаем, Розамунда.

– Вряд ли я смогу так быстро собраться, – запротестовала она. – Кроме того, завтра утром священник прочтет завещание Хью.

– Его завещание ничего не изменит, племянница, – злобно пропыхтел Генри с таким негодующим видом, что мясистые щеки затряслись.

– Он был моим супругом и имел на меня все права. Я должна повиноваться его последним желаниям, каковы бы они ни были, – мило улыбнулась Розамунда.

– Его желания совершенно не важны. Я твой ближайший родственник. С этой минуты ты – моя подопечная, каковой была всегда, со смерти твоих родителей. Закон, Божий и человеческий, гласит, что ты должна повиноваться моим приказам, и я ничего не желаю больше слышать!

Генри потянулся к чаше с вином и, выпив содержимое одним глотком, стукнул чашей о столешницу.

– Ты поняла меня, племянница? Я твой хозяин, и никто другой.

– Последняя воля моего мужа будет исполнена, – решительно заявила Розамунда и, повернувшись, покинула зал.

– Дрянная сучонка! – прошипел Генри. – Придется пороть ее кнутом каждый день, пока ее дьявольская гордость не будет сломлена. Ну а потом я буду драть ее дважды в неделю, чтобы не забывала, в чьих руках ее судьба. Да, девочке нужна твердая рука и неуклонная дисциплина. Все это она получит в моем доме.

Кроме того, он заметил, что у нее растут груди. Это означает, что ее связь с луной прерывается ежемесячно. Нельзя с нее глаз спускать, иначе она опозорит семью. Она должна оставаться девственницей до тех пор, пока Генри не сможет ее объездить!

Он намеревался положить сына в постель к племяннице, когда ему исполнится двенадцать. Розамунде к тому времени будет двадцать. Ничего, он раздобудет пояс целомудрия и

наденет на племянницу, чтобы не беспокоиться о ее добродетели. Именно его внук унаследует Фрайарсгейт, иного он не допустит.

Он хмуро уставился на слугу, стоявшего рядом, и тот поспешил налить ему вина. Генри Болтон выпил, рыгнул и, поднявшись, взглянул на тело Хью Кэбота.

Жители Фрайарсгейта один за другим длинной цепочкой проходили мимо гроба. Лица у всех были грустными, многие, не скрываясь, плакали. О чем они рыдают? Хью Кэбот был чужаком и женился на Розамунде, чтобы сберечь Фрайарсгейт для Генри. Вероятно, он распустил здешних обитателей. Они скорбят по нему, потому что боятся нового строгого хозяина, только и всего.

К удивлению Генри Болтона, оказалось, что погребальную службу справляет его единокровный брат Ричард.

– Почему это вдруг послали за тобой? – грубо спросил он. – Где отец Бернард?

– И тебе добрый день, Генри, – усмехнулся Ричард Болтон. – Бедный старый Бернард умер три года назад, и с тех пор здесь нет постоянного священника. Эдмунд позвал меня похоронить Хью.

Священник проницательно оглядел младшего брата:

– А ты все толстеешь? Слишком много вина и еды вредно для человека.

Сам Ричард был высоким, стройным, с худощавым, благородным лицом аскета. Черная сутана, подпоясанная белым поясом, смотрелась на нем так же элегантно, как придворное платье.

– Давай лучше похороним Кэбота без лишнего шума и суеты, – огрызнулся Генри. – Я должен уехать завтра и забираю с собой Розамунду.

– Ты не можешь уехать, пока я не прочитаю завещание Хью, – спокойно возразил Ричард и, кивком показав на племянника, осведомился: – Это твой сын?

Генри Болтон-младший увлеченно сосал палец. Отец ударил его по руке и подтолкнул вперед:

– Это брат Ричард, новый священник.

– Видели, какое владение? Это мое! – объявил мальчишка вместо приветствия. – Старик помер, и теперь все достанется мне, только жена, которую выбрал отец, очень противная. Дерзкая такая и все время злится на меня. Вы должны сказать, что она непременно отправится в ад, если не будет уважать мужа. Мой отец говорит, что я должен стать ее господином и повелителем.

Ричард Болтон проглотил неуместный смех, едва не сорвавшийся с губ. Серо-голубые глаза лукаво блеснули при виде досадливо хмурившегося брата.

– В самом деле? – обронил он как мог серьезнее. Генри наградил наследника подзатыльником, и парнишка взвыл от неожиданности. Слезы полились по грязным щекам.

– У тебя есть завещание? – допытывался Генри. – И что там говорится? Правда, какое это имеет значение, если Розамунда принадлежит мне и я могу делать с ней все, что пожелаю.

– Завещание будет оглашено после поминального пира, как полагается по обычаю, – ответил святой отец.

– О, если так уж угодно, можешь делать из этого великую тайну, но это ничего не изменит, – раздраженно отмахнулся Генри и, повернувшись к сыну, рявкнул: – Да прекрати ты свое нытье!

Хью Кэбота похоронили на склоне холма с видом на долину. Розамунда поцеловала холодные губы, прежде чем в крышку гроба заколотили первый гвоздь, и долго плакала по прекрасному человеку, все эти годы заменявшему ей отца. После того как могилу зарыли, она постояла еще немного, глядя, как солнце опускается за зеленые холмы, а потом вернулась в дом, чтобы проследить за приготовлениями к поминальному пиру. Трое ее дядьев

уже сидели за столом. Какой контраст между благородными лицами Эдмунда и Ричарда и жирной недовольной физиономией Генри. Маленькие глазки беспрестанно шарили по залу, словно их владелец мысленно составлял опись находившихся здесь вещей.

Розамунда села между ним и кузеном.

Ужин получился сытным и обильным и наверняка понравился бы Хью. Сначала подали лососину. Розовая плоть была усыпана шариками редкого зеленого перца. За рыбой последовали жареная оленина и пирог с оленьим мясом. А слуги все вносили новые блюда: кролика, гуся и утку под различными соусами, тушеный салат и крошечные вареные луковки, свежие хлеб, масло и сыр. На десерт кухарка приготовила последние зимние яблоки, печенные с корицей и политые густыми сливками. Вина и эля было в достатке, и на все столы подавалась одинаковая еда, к великому удовольствию тех, кто сидел «ниже соли» и не ожидал ничего большего, кроме густой похлебки и кроличьего рагу.

Когда посуду унесли, Генри Болтон нетерпеливо заметил:

– Итак, святой отец, что там насчет завещания? Не то чтобы оно что-то значило, но формальности должны быть соблюдены, ради буквы закона. – Он нагло развалился в кресле. – Помни, я желаю уехать рано утром.

– Так оно и будет, братец Генри, – кивнул Ричард. – Хью Кэбот написал завещание собственноручно и дал мне копию.

Он высоко поднял свиток, давая рассмотреть его всем присутствующим в зале, сломал печать и медленно развернул.

– «Я, Хью Кэбот, – начал он, – объявляю свою последнюю волю. На этой земле у меня лишь одно владение – моя возлюбленная жена Розамунда Болтон. Поэтому я отдаю ее под присмотр и защиту своего друга и суверена Генриха Тюдора, короля Англии. Это мое последнее желание, и пусть Господь сжалится над моей душой. Аминь». Подписано в первый день марта в год тысяча пятьсот второй от Рождества Спасителя нашего.

В зале воцарилась мертвая тишина. Первым опомнился Генри Болтон.

– И какого черта все это значит? – взорвался он. – Я опекун Розамунды, как ближайший родственник по мужской линии.

– Нет, братец Генри, ты не ее опекун, – покачал головой Ричард. – И больше никогда им не будешь. Хью Кэбот, как законный муж Розамунды и ее повелитель в то время, когда писалось завещание, отдал свою вдову под покровительство самого короля. И ты ничего не сможешь с этим поделать. Вторая копия завещания была послана королю, и тот соизволил ответить, что посылает своего человека взять Розамунду под защиту. Ты больше над ней не властен.

– Это заговор против меня! – завопил Генри. – Вы не имеете права! Я сам поеду к королю и пожалуюсь! Хью Кэбот был мужем Розамунды только благодаря мне! Я выбрал его, чтобы он берег Фрайарсгейт.

– Берег? Для кого именно? – неожиданно вмешалась Розамунда. – Всю свою жизнь ты мечтал об этом поместье, дядя, но оно принадлежит мне. Я не умерла вместе с родителями и братом и, благодарение Богу, выросла здоровой и сильной. Фрайарсгейт мой, а не твой, и на то воля Божья. Я рада, что Хью сделал это ради меня. При мысли о том, что я снова попаду под твою нежную руку, меня дрожь брала.

– Поосторожнее, девчонка, помни, с кем говоришь, – предупредил Генри. – Когда я объясню королю, как все было, он снова отдаст тебя мне, и тогда, Розамунда, ты усвоишь все, чему не научил тебя покойный муж. Ты научишься повиновению. Скромности. Добродетели молчания в присутствии старших. – Его лицо снова налилось кровью и выглядело почти устрашающе. Светло-голубые глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. – Это завещание незаконно! Я не допущу!

– У тебя нет выбора, – тихо пояснил Ричард.

– Но почему король оказывает такую милость Хью Кэботу? Младший сын в семье, без денег и титула, солдат, бродяга и, наконец, благодаря моей покойной жене Агнес, упокой Господи ее душу... – Генри благочестиво перекрестился, – немногим больше чем слуга в доме ее брата. Король не может удостаивать своей дружбой такого человека!

– Ах, добрые господа, но так оно и есть, – раздался голос с дальнего конца зала. На ступеньках стоял высокий незнакомец в дорожном плаще, шляпе и перчатках. – Я сэр Оуэн Мередит, – представился он, снимая перчатки и направляясь к высокому столу, – и был послан сюда его величеством королем, чтобы рассмотреть дело Розамунды Болтон и решить вопрос о наследстве.

На ходу он отдал шляпу, перчатки и плащ слуге. Другой слуга поспешил поднести ему кубок вина.

– Кто из вас Хью Кэбот? – властно осведомился сэр Мередит.

– Мой муж вчера скончался, сэр, – ответила Розамунда. – Вы попали на поминальный пир. Правда, мы уже поужинали, но, позвольте, я прикажу принести вам еды. Вы наверняка проголодались после длительного путешествия.

– Мы много дней были в дороге, – кивнул рыцарь, подумав, что видит перед собой необычайно хорошенькую девушку, правда, почти ребенка, но исполненную достоинства и хорошо воспитанную. – Я ничего не ел с самого утра и, разумеется, по достоинству оценил бы хороший ужин.

Он с первого взгляда понравился Розамунде, тем более что природа наделила его такими же исполненными благородства чертами, как у Хью и ее старших дядьев. Очевидно, он не из праздных людей, ибо кожа приобрела бронзовый оттенок, а в уголках глаз прятались крошечные морщинки. Но он стоял слишком далеко, так что она не могла увидеть, какого цвета у него глаза. Она заметила только небольшую ямочку. Розамунде он показался очень красивым.

– Прошу вас к столу, сэр. Садитесь с нами, – гостеприимно пригласила она и, поспешно столкнув своего кузена со скамьи, прошипела: – Поднимайся, маленькая жаба, и уступи место человеку короля!

Мальчишка открыл было рот, чтобы запротестовать, но при одном взгляде на Розамунду поспешно стиснул зубы и вскочил.

– Спасибо, кузен, – медоточиво пробормотала Розамунда.

Если сэр Оуэн и заметил эту маленькую сценку, то не подал виду. Ему принесли тарелку с горячим ужином, и он стал есть, а хозяйева учтиво ждали, пока гость насытится. Слуги проворно наполняли его кубок. Наконец он вытер хлебом остатки подливки и выпрямился, впервые за последние две недели чувствуя, что согрелся.

– Итак, сэр, что привело вас сюда? – грубо спросил Генри Болтон.

Но к его удивлению, сэр Оуэн обратился прямо к Розамунде:

– Миледи, ваш покойный муж, сэр Хью Кэбот...

– Сэр Хью? – расхохотался Генри. – Он не знатного рода, сэр Мередит. Может, вы попали не в тот дом?

– Сэр Хью был посвящен в рыцари на поле боя много лет назад. Он спас жизнь Эдмунда Тюдора, брата короля, когда ему самому было всего восемнадцать, – спокойно пояснил сэр Оуэн. Ему не нравился этот человек с жирной физиономией. Груб, невоспитан и заслуживает доброй трепки. Если бы не обстоятельства, он лично оттаскал бы нахала за уши!

– Это правда, – кивнул Эдмунд.

– Ты знал? – с недоверием прошипел Генри.

– Он был человеком скромным. И хотя его друг оказал Хью большую честь, даровав рыцарские шпоры, поскольку землю ему так и не пожаловали, он посчитал, что человеку его положения негоже пользоваться титулом, и поэтому не выпячивал напоказ свои доблести,

хотя имел полное на это право. Так что наша племянница теперь леди Розамунда, – заключил Эдмунд, не сводя пристального взгляда с младшего брата.

Сэр Оуэн снова обратился к Розамунде, на лице которой застыло изумление:

– Ваш муж знал, что смерть близка, миледи, и хотел обезопасить вас от тех, кто попытается украсть ваше законное наследство. Поэтому и послал королю письмо с просьбой взять вас под свое крыло и принять всю ответственность, которую налагают подобные обязанности. Король Генрих великодушно согласился и велел мне привезти вас ко двору. Мне сказали, что ваш дядя Эдмунд Болтон согласится управлять Фрайарсгейтом в ваше отсутствие. У вас нет возражений?

Розамунда медленно кивнула.

– Конечно, нет. Но почему я должна покинуть Фрайарсгейт? Это мой дом, и я его люблю.

– Разве вам не хочется встретиться с королем, миледи? – удивился сэр Оуэн.

– С королем? – повторила она. – Я смогу увидеть короля?

– Король собирается отдать вас на попечение своей супруге, миледи. Когда период траура закончится, вам найдут подходящего супруга, и вы вместе с ним вернетесь домой, – пояснил сэр Оуэн. – Королева – женщина мягкая и добрая. И у нее есть свои дочери. Думаю, принцесса Маргарет – почти ваша ровесница. Принцесса Кэтрин, жена принца Артура, – вдова, как и вы. Есть еще и принцесса Мэри, очаровательный бесенок.

– Я никогда не уезжала из Фрайарсгейта дальше чем на несколько миль, – призналась Розамунда. – Эти места – все, что я знаю, сэр. Не может ли король оставить меня здесь, где я всегда жила?

– Ваш покойный муж, сэр Хью, считал, что вам лучше пока оставить Фрайарсгейт, – пояснил сэр Оуэн. – Вам не обязательно ехать одной, миледи. Можете взять с собой служанку.

– Произошла ошибка, – вставил наконец Генри Болтон. – Племянница находится под моей опекой с самой смерти своих родителей, моего старшего брата Гая и его жены. Хью Кэбот не имел права отдавать ее под покровительство короля. Вы должны вернуться к нему и все рассказать, сэр Оуэн. Розамунде предстоит обвенчаться с моим сыном Генри.

– Я ни за что не выйду за это мерзкое отродье! – вскричала Розамунда. – Он ест руками, и от него несет мочой!

– Разве сэр Хью Кэбот не был законным мужем леди Розамунды? – удивился Оуэн Мередит.

– Был, – кивнул Ричард. – У меня находятся все необходимые бумаги, подтверждающие брак.

Слуга короля повернулся к Розамунде.

– Вы помните подробности свадебной церемонии, миледи? Вы стояли перед священником?

– Нас обвенчал отец Бернард в двадцатый день октября, как раз перед шестидесятилетием Хью. На мне было платье из травянисто-зеленого джерси. Да, я все прекрасно помню. Для меня этот день стал самым счастливым, – с готовностью ответила Розамунда.

– Следовательно, вы не имеете никакой власти над своей племянницей, Генри Болтон, – объявил Мередит. – Таковая принадлежала ее мужу, а уж он передал ее королю. Леди Розамунда вернется со мной в Ричмонд и займет свое место при дворе королевы.

– Я-я-я... обращусь в суд! – выпалил Генри. Оуэн невольно рассмеялся.

– Его величество и есть наивысшая власть в государстве, но вы вольны поступать как пожелаете.

– Когда мне нужно ехать? – спросила Розамунда.

– Как только сочтете себя готовой, – заверил рыцарь. – Я понимаю, что леди, покидающей дом, нужно время, чтобы собрать вещи и закончить все дела. Я не спешу вернуться на юг. Камбрийские весны прекрасны, особенно если шотландцы не вздумают перейти границу и совершить набег. Правда, такая опасность вряд ли нам грозит. Король договорился о браке своей старшей дочери, леди Маргарет, с королем шотландцев, Яковом IV. Не торопитесь, миледи, и постарайтесь хорошо устроиться в новой жизни. Кроме того, вам и вашей служанке понадобятся лошади. Так что впереди немало забот, миледи. Может, удобнее всего назначить отъезд на конец лета или начало осени? А пока я пошлю к королю гонца с сообщением о смерти старого друга и прибавлю, что его вдова благодарна за оказанное покровительство.

Он улыбнулся, и Розамунда заметила, какие у него белые ровные зубы.

– Вы должны немного побыть с нами, сэр, – предложила Розамунда. – Вы проделали длинный путь, а еще предстоит обратная дорога. И вы, и ваша лошадь должны как следует отдохнуть.

– Обязательно, миледи, и благодарю за гостеприимство.

– Приготовь комнату для гостя, – приказала служанке Розамунда и знаком велела принести еще вина. Она видела, что Генри уже сильно пьян, а кузен так и уснул под столом.

Взглянув на сэра Оуэна, девушка кивком показала на дядюшку и тихо спросила:

– Я в самом деле свободна от него? Он не сможет выдать меня за своего мерзкого сына?

– Ни в коем случае, – так же тихо ответил рыцарь. – Насколько я понял, ваш покойный муж тоже этого не хотел. Обычно король не посвящает меня в содержание писем, но на этот раз посчитал, что я должен ясно понять сложившуюся во Фрайарсгейте ситуацию, с тем чтобы я нечаянно или по незнанию не пренебрег желаниями сэра Хью.

Слезы заволокли янтарные глаза Розамунды.

– Он был таким хорошим человеком, мой Хью! Дядя не понимал этого, когда выдал меня замуж. Он так стремился защитить Фрайарсгейт, пока не получит сына, которого мог бы навязать мне! Мой первый муж тоже был его сыном. Правда, я его почти не помню. Как вы думаете, много ли найдется тринадцатилетних вдов, ибо мне через несколько недель исполнится тринадцать, переживших двоих мужей и оставшихся невинными?

При этом откровении Оуэн Мередит поперхнулся вином и едва отдышался, кашляя и вытирая льющиеся из глаз слезы. Немного придя в себя, он разразился смехом и хохотал, пока глаза снова не повлажнели. Собравшиеся за столом удивленно уставились на него.

– Вино попало не в то горло, – едва сумел выговорить он, покачивая головой.

– Но что вас так развеселило? – не выдержал Ричард.

– Шутка леди Розамунды. Вряд ли кто-то еще найдет ее забавной, просто у меня, по видимому, легкомысленное настроение, – пояснил Оуэн, не желая повторять слова своей юной и наивной хозяйки. Вполне вероятно, что они вовсе не покажутся смешными ее дядьям.

Он вновь присмотрелся к Розамунде. Еще не женщина, но уже не дитя. Кожа, как сливки, светлая и гладкая. Ни малейшего изъяна. На щеках слабый румянец, янтарные глаза опущены темными ресницами. Густые рыжевато-каштановые волосы разделены прямым пробором и заплетены в косу. Овальное личико, прямой носик и сочный, как лесная земляника, рот с полной нижней губкой.

– Почему вы так смотрите на меня? – прошептала она.

– Потому что нахожу вас прелестной, миледи, – честно ответил он.

Розамунда покраснела. Красивый мужчина делает ей комплимент! Как это внове для нее! О, Хью всегда твердил, что когда-нибудь она станет красавицей, но Хью ее любил. Она была для него все равно что дочь.

– Спасибо, – застенчиво пробормотала девушка. – А придворная леди тоже должна выразить благодарность за добрые слова?

– Придворная леди может грациозно наклонить голову, но говорить не обязательно, – просветил ее Оуэн, слегка улыбаясь. Какая очаровательная наивность! – Но если похвала исходит от человека, ей неприятного, леди может отвернуться, проигнорировав его, – добавил он.

– А меня поймут при дворе, сэр Оуэн?

– Я же понимаю вас, – удивился он.

– Вряд ли там понравится мой камбрийский выговор.

– Пока я с вами, миледи, могу помочь исправить вашу речь.

– И исправить мои манеры, если сделаю то, что не принято при дворе? – с тревогой допрашивала Розамунда. – Я не хочу опозорить себя и доброе имя семьи.

– Я с радостью буду вашим наставником, миледи, во всем, что вы захотите узнать, – пообещал он. – А вы доверитесь мне, когда я скажу, что настало время покинуть Фрайарстейт и ехать на юг? Я дам вам время, миледи, но понимаю, как трудно вам будет уехать. Вы послушаетесь меня? – допрашивал он с ободряющей улыбкой.

– Но это будет не слишком скоро? – взволнованно пробормотала девушка.

– Думаю, сентябрь – самый подходящий месяц для путешествия, – ответил он, снова улыбаясь. Она боится. Еще бы! Любая бы на ее месте испугалась. И хотя это кажется заманчивым приключением, Розамунда Болтон не похожа на особу, пускающуюся в приключения. Она девушка порядочная. И очень практичная, как он уже успел заметить.

– Тогда я доверяю вам свою судьбу, сэр рыцарь, – ответила она наконец. – Но разве король не ожидает вас раньше?

– Нет, девочка, – усмехнулся Оуэн. – Я всего лишь один из многих слуг короля. Просто известен своей надежностью и верностью, поэтому мне чаще дают поручения. При дворе знают, что я вернусь, когда выполню свои обязанности. В остальном я вряд ли так уж важен для государственных дел.

– Рыцарь – и не важен? – недоуменно протянула она.

Сидевшие за столом мужчины слушали так же внимательно, как сама Розамунда. Только Генри уже совершенно ничего не соображал. И Эдмунд, и Ричард, хотя и радуясь, что Розамунда избавилась от Генри, гадали, правильное ли решение принял Хью, отдав жену под защиту незнакомых людей. Они дружно подались вперед, жадно ловя каждое слово сэра Оуэна.

– Как и ваш покойный муж, я всего лишь младший сын у отца. Самый младший. Мать умерла, дав мне жизнь. Отец скончался, когда мне было тринадцать. Мое семейство живет в Уэльсе. Я служил у Джаспера Тюдора, дяди короля, с шести лет, сначала пажом, потом оруженосцем. После битвы при Стоуке меня посвятили в рыцари.

– Сколько лет вам было тогда? – поинтересовался Эдмунд.

– Чуть больше пятнадцати.

Эдмунд и Ричард переглянулись и молча согласились, что этому спокойному, мягкому человеку можно доверить заботу о Розамунде.

– Вы, должно быть, устали, сэр, – заметила девушка, вспомнив свои обязанности хозяйки. – Один из слуг проводит вас в спальню. Мы рады видеть вас во Фрайарстейте.

Отвернувшись, она приказала слуге:

– Отведи моего дядю в его покои, Питер, а потом возвращайся и уложи моего кузена в постель. Добрые господа, я оставляю вас допивать вино. День для меня выдался долгим и печальным.

Она поднялась, присела в реверансе и тихо удалилась.

– Она всю ночь молилась у гроба мужа, – заметил Эдмунд сэру Оуэну.

– Она добрая христианка, сэр, – вторил Ричард.

– Однако слишком молода, чтобы так хорошо сознавать свой долг. Ей же всего тринадцать! – воскликнул Мередит.

– Исполнится в последний день месяца, – кивнул Эдмунд.

– Мать короля овдовела в тринадцать, будучи на шестом месяце беременности, – пояснил сэр Оуэн. – Леди Маргарет – женщина удивительная. Думаю, в то время она очень походила на вашу племянницу.

– Розамунда совсем неопытна, – вздохнул Эдмунд.

– Ее чему-нибудь учили? – поинтересовался рыцарь. – При дворе лучше всего преуспевают хорошо образованные люди.

– Хью научил ее читать и писать. Отец Бернард – церковной латыни. Она превосходно знает математику и последние два года сама ведет все счета Фрайарсгейта. Розамунда куда образованнее большинства деревенских девушек, сэр. Чего ей недостает?

– Я научу ее французскому и светской латыни, – пообещал сэр Оуэн. – Она владеет каким-то музыкальным инструментом? Молодой принц Генри прекрасно сочиняет музыку и стихи. Мальчик он поразительный. Отец рассчитывал, что в один прекрасный день он станет архиепископом Кентерберийским. Теперь же, после смерти принца Артура, ему предстоит стать королем. Правда, король не наставляет его в обязанностях правителя. Возможно, он слишком цепко держится за трон и власть над сыном, – признался сэр Оуэн и, вспыхнув, добавил: – Пожалуй, ваше превосходное вино ударило мне в голову. Пора найти свою постель и хорошенько выспаться.

Он встал и последовал за слугой.

Братья вновь наполнили чаши из кувшина на столе и долго сидели молча. Наконец Ричард спросил:

– Ты все знал о планах Хью?

– Немного, – признался Эдмунд. – Он только сказал мне, что имеет могущественного друга и сделает доброе дело, отдав Розамунду ему на попечение. И что с ее красотой и богатством он без труда найдет ей хорошего мужа, а выгодный брак добавит блеска нашему имени. Я понятия не имел, что этот друг окажется королем. Когда Хью понял, что скорее всего больше не оправится, немедленно послал гонца на юг. Думаю, он хотел мне все рассказать, но смерть пришла раньше.

– Ты не ожидал, что он скончается? – удивился Ричард.

– Ожидал, конечно, но не так скоро. Розамунда считает, что тут каким-то образом замешан Генри, но доказательств я найти не смог. Все же, согласись, совпадение странное: стоило приехать Генри, и Хью умирает. Генри явился, чтобы заставить Хью передать Розамунду в его заботливые руки. Вряд ли он был доволен прямоотой и дерзостью племянницы. Он наверняка обвинил во всем Хью.

– Думаешь, наш брат в самом деле имеет какое-то отношение к смерти Кэбота? – спросил священник. Эдмунд вздохнул.

– Не хотелось бы верить этому, но не могу сказать, что считаю его полностью невиновным. Только независимо от того, что думаем мы с Розамундой, доказательств все равно нет.

Ричард понимающе кивнул.

– Но можно ли без опаски позволить нашей племяннице ехать ко двору? – протянул он.

– Хью желал своей жене исключительно добра. Она становится женщиной, Ричард. Мейбл сказала, что у нее начались месячные. Она девственна. Следующий ее брак будет осуществлен на деле, и она сможет родить наследников для Фрайарсгейта. Сын Генри еще мал. Если Розамунду принудят его ждать, ей будет уже двадцать, когда ему только-только исполнится двенадцать. Пусть лучше едет на юг, а когда вернется с мужем, вошьет новую

кровь в жилы Болтонов из Фрайарсгейта. К тому же нашему братцу давно пора забыть о землях Розамунды. Они принадлежат только ей, и никому больше.

– Когда она уедет и увидит, что за стенами Фрайарсгейта существует иной мир, может, и не захочет сюда вернуться, – задумчиво сказал священник.

– Нет, Розамунда обязательно вернется и останется здесь. Она черпает силу от Фрайарсгейта, братец, – заверил Эдмунд.

– Завтра я отправляюсь в аббатство Святого Катберта, – сообщил Ричард. – Но только после того, как провожу Генри. Представляю, как у него будет трещать голова с похмелья! Он выпил сегодня больше обычного и проснется в надежде, что все это было только сном и что Розамунда по-прежнему остается в его лапах. Конечно, это не по-христиански, но я искренне наслаждаюсь его муками. Кстати, надеюсь, ты дашь мне знать, когда Розамунда уезжает, чтобы я смог приехать и попрощаться с племянницей.

– Обязательно, – пообещал Эдмунд.

– В таком случае спокойной тебе ночи, брат, – сказал священник, вставая. – Доброго сна. Пусть тебе явятся светлые ангелы.

Он вышел из зала, причем длинные полы сутаны едва шелохнулись, такой плавной была его походка. Белый пояс ярко выделялся на черном фоне.

Мейбл, сидевшая у очага, тоже поднялась и подошла к мужу.

– Тебе следовало рассказать ему, – укорила она.

– Но ты же сидела не настолько далеко, чтобы не слышать моих слов! Я говорил правду: Хью держал свои планы при себе, и был прав. Генри может вопить, жаловаться, взывать к небесам, но не сумеет доказать сговора между мной и Хью.

– Он будет кричать об этом на всех углах, но если ты был откровенен со мной, муженек, тогда ему и вправду ничего не удастся сделать. Точно так же, как мы не в силах доказать его причастности к смерти Хью, – парировала Мейбл.

– Ты должна поехать с ней, – заметил Эдмунд.

– Знаю, – кивнула Мейбл, – хотя мне тяжело покидать тебя. Все же это не навсегда, да и ты человек, которого больше интересуют свои обязанности, а не хорошенькие ножки! Тебе, Эдмунд Болтон, я могу доверять, и, кроме того, есть немало доброхотов, которые немедленно сообщат мне, если ты свернешь с дороги добродетели.

Эдмунд, фыркнув, обнял жену.

– А ты, дорогая? Поддашься придворным соблазнам?

– Я? – оскорбленно ахнула Мейбл.

– Почему бы нет? Ты женщина привлекательная, а твоя улыбка чарует мужчин.

– Лъстец!

Она шутя шлепнула его и мило покраснела.

– Моя единственная забота – безопасность и счастье Розамунды. Я должна убедиться, что ей больше не навяжут нежеланного брака с целью завладеть ее наследством.

Эдмунд Болтон кивнул.

– Да, – сказал он, – но ей нужно уметь постоять за себя. Мы не хотим, чтобы она вышла замуж за кого-то вроде моего брата Генри.

– Не дай Бог! – воскликнула Мейбл. – Ты прав, я научу ее постоять за себя. К тому же, я думаю, никто не станет принуждать ее сразу после приезда. Розамунда не настолько важная особа, чтобы сильные мира сего волновались за ее судьбу. Она присоединится ко двору королевы и будет делать то, что от нее требуется. На нее никто не обратит внимания, пока кому-то из придворных не понадобится богатая жена.

– И ты, моя дорогая, будешь все время рядом, чтобы наставлять ее, – заметил Эдмунд, улыбнувшись своей мудрой женошке.

– Обязательно, Эдмунд, – пообещала Мейбл.

Утром Генри Болтон медленно приковылял в зал, держась за голову, как и предсказывал брат. Голова раскалывалась от боли, и он почти забыл о приезде сэра Оуэна.

– Где Розамунда? – пробурчал он. – Она должна ехать со мной.

Он уселся за стол и вздрогнул при виде корки каравая, полной горячей овсянки.

– Разве ты не помнишь? – тихо спросил Ричард. – Опекуном нашей племянницы стал сам король. В конце лета она поедет ко двору вместе с рыцарем, которого он за ней прислал.

– Я думал, это мне приснилось, – мрачно признался Генри. – Ричард, ты знаешь законы. Нельзя ли оспорить то, что сделал Хью? Неужели ты хочешь, чтобы наша племянница покинула Фрайарсгейт и была насильно выдана замуж за чужака?

– Пока о замужестве речи не идет, – возразил священник.

– Но когда-нибудь они захватят ее наследство, – почти простонал Генри, отодвигая корку.

– Это ты пытался его захватить, – спокойно возразил Ричард. – После смерти Гая и Филиппы ты делал все, чтобы сохранить власть над наследством, принадлежавшим Розамунде. Сначала выдал ее за своего сына. Потом за Хью Кэбота. Теперь пытался вынудить ее обручиться со вторым сыном, пятилетним ребенком. Тебе безразлична Розамунда. Важно только то, чем она владеет. Хью был прав, когда решил отослать ее. Пусть она повидает мир, встретится с людьми могущественными и богатыми. Наша племянница – необыкновенная девушка, Генри. Может, ей повезет влюбиться в того человека, которого выберут в мужья. Или она обзаведется влиятельными друзьями, что пойдет на пользу семье. Надеюсь, что она вернется сюда по-прежнему молодой и счастливой. Но кто бы ни стал ее мужем, уверен, что ей будет с ним куда лучше, чем в твоих лапах. А теперь поезжай в Оттерли и занимайся своими делами. Тебе нужно кормить троих сыновей и трех дочерей. Может, ты будешь рад узнать, что сестра Джулия здорова и процветает в своем монастыре.

В желудке Генри все перевернулось. Тошнота подкатила к горлу.

– Джулия, – пробормотал он, – получила приданое, когда поступила в монастырь Святой Маргариты.

– Твоя старшая дочь примет постриг через несколько лет, братец. Я ожидаю, что к тому времени ты внесешь кругленькую сумму в благодарность за уход и обучение. Тех денег, что ты дал ей тогда, едва хватало на ее содержание. Монастырь Святой Маргариты небогат. Она же – достойная христианка и хорошая девушка.

– Она родилась уродиной, – презрительно фыркнул Генри. – Девочки Мейвис – настоящие красавицы, и им нужно приданое.

– Которое ты, вне всякого сомнения, собирался выкачать из Фрайарсгейта, – сухо заметил Ричард. – Земли Оттерли богаты и плодородны, хоть их и немного. Ты же не один год подряд беззастенчиво забирал отсюда скот, так что твои стада сейчас, должно быть, огромны. Добейся лучших доходов, и твои девочки получают приданое, которое заслуживают. Они еще дети, а ты всегда был трудолюбив. Ты же Болтон, Генри. Где твоя гордость? Похоже, ты потерял ее, пытаясь завладеть тем, что тебе не принадлежит.

– Должно быть, священнический сан заставил тебя забыть свое происхождение, бастард?! – прорычал Генри.

– Наш отец пролил семя в лоно своей любовницы. Это правда, Генри, но наш Отец небесный сделал меня равным любому человеку. Я также желал бы напомнить тебе, что и твой отец, и твоя мать любили всех сыновей, законных и незаконных, – парировал священник.

– Ты, наверное, хочешь пораньше отправиться в Оттерли, – вмешался Эдмунд. – Приказать кухарке завернуть вам в дорогу хлеба и мяса? А вот и твой сын...

– Я голоден! – громко объявил Генри-младший, поднимаясь к высокому столу. – Моя мать всегда дает мне по утрам овсянку со сливками.

– Твоей матери здесь нет! – рявкнул отец. – Мы уезжаем.

– Но я голоден, – повторил малыш.

– Тогда садись и доедай то, что мне в глотку не лезет!

Он схватил сына за шиворот и почти швырнул на скамью. Генри-младший опустил ложку в кашу, стоявшую перед отцом.

– Она холодная, – проныл он.

– Тогда не ешь! – заревел Генри.

– Но я голоден!

– Принесите мастеру Генри горячей овсянки, – приказала Розамунда, входя в зал. – Дядя, выпей вина. Голова сразу пройдет. Отец Ричард, спасибо за утреннюю службу. Так приятно снова слышать мессу в нашей маленькой церкви.

– Не хочешь ли, чтобы я послал тебе священника, племянница? – спросил тот. – В нашем аббатстве есть один юноша, который прекрасно тебе подойдет. В таком поместье, как Фрайарсгейт, без священника нельзя. Небольшое вознаграждение, стол и крыша над головой вполне удовлетворят отца Мату.

– Мата? – с подозрением переспросил Генри. – Это шотландское имя.

– Верно, – согласился Ричард.

– Шотландец во Фрайарсгейте? Да ты с ума сошел! – завопил Генри. – Неужели не знаешь, что шотландцам доверять нельзя?

– Он священник, Генри, – последовал спокойный ответ.

– Священник или не священник, но и у него найдется родня или члены его клана, готовые украсть наших овец и скот! Я не позволю, Ричард!

– Мата – сын шотландской рабыни и английского солдата, – пояснил Ричард. – Он вырос в аббатстве и ничего не знает о кланах. Его мать умерла родами. Он такой же англичанин, как мы с тобой. Перед смертью мать попросила, чтобы его назвали шотландским именем Мата, вместо английского Мэтью, чтобы он помнил о своем наследии. Мата – скромный молодой человек и станет верно служить Фрайарсгейту.

– Кроме того, дядя, решения здесь принимаешь не ты, – объявила Розамунда. – Эдмунд, что ты думаешь?

– Было бы неплохо, если бы у нас снова появился священник. Нужно обвенчать несколько пар и окрестить немало детишек.

– Но шотландец! – снова воскликнул Генри. Эдмунд пронзил родственника свирепым взглядом.

– Ричард говорит, что этот священник подойдет для Фрайарсгейта. Когда это наш брат был неверен Болтонам?

– Я с радостью встречу отца Мату, – спокойно вставила Розамунда.

– Он скоро прибудет, племянница, – с улыбкой пообещал Ричард.

– У меня много работы, дядя, – обратилась девушка к Генри. – Нужно выдать зерно на посев, и я должна за всем присмотреть. Желаю тебе благополучной поездки. Передай привет своей доброй жене и моим маленьким кузенам. И ты прощай, мальчик. Будь здоров.

Она кивнула родственникам и поспешно ушла.

– Хорошо, что мне больше не надо на ней жениться, – пробормотал Генри-младший с полным ртом, продолжая жадно пожирать овсянку.

– Заткнись, недоумок! – бешено взорвался отец, судорожно сжимая в руках чашу с вином. Вопреки обещаниям Розамунды лучше ему не стало.

Глава 4

Оуэн Мередит немало удивился, узнав, что, хотя его молодая хозяйка не очень образованна, по меркам двора, все же обладает немалыми знаниями. Про себя он думал, что она нигде, кроме Фрайарсгейта, не будет поистине счастлива. Розамунда Болтон казалась неотъемлемой частью поместья. Несмотря на молодость, ее уважали и работники, и арендаторы. Этому немало способствовали ее дядя Эдмунд Болтон и покойный муж, Хью Кэбот. С отъездом Генри это стало особенно заметно. Отныне все делалось лишь во имя Розамунды, что укрепляло ее позицию хозяйки Фрайарсгейта.

С самой весны Оуэн зачарованно наблюдал, как тщательно она вникает в каждую мелочь. Фрайарсгейт был настоящим натуральным хозяйством, где выращивалось несколько сортов зерна, овощей и фруктов. Именно Розамунда решала, какие поля засеять, а какие оставить под паром, когда обрезать плодовые деревья, каких коров и лошадей продать, каких оставить на молоко и мясо, а каких и обменять. По предложению Хью Розамунда стала выращивать лошадей. Но самым большим источником дохода были овцы, ибо шерсть Фрайарсгейта высоко ценилась.

На землях поместья стояли небольшая мельница, где постоянно жил мельник, церковь и дом священника, который сейчас чистился и ремонтировался в ожидании прибытия отца Маты. На лугах паслись овцы, лошади и коровы. Был и лес, как господский, так и общинный, и общинные пастбища, так что обитатели Фрайарсгейта могли охотиться, ловить рыбу и пасти свой скот. Большинство когда-то были сервами, но дед Розамунды освободил их. Несколько семейств покинули Фрайарсгейт, чтобы искать счастья в других краях, но остальные не захотели расставаться с родными местами. И хотя поместье принадлежало людям незнатным, все же считалось очень большим владением, а его молодая госпожа – богатой наследницей. Воды здесь хватало, поэтому и земля, и животные всегда были напоены. Розамунда быстро усвоила, что скот нужно перегонять с одних пастбищ на другие, чтобы трава росла равномерно и земля не слишком истощалась. Так что Фрайарсгейт никогда не был бедным, а в последнее время просто процветал. Ни одно крестьянское семейство не обходилось без коровы, свиней и птицы. Обитатели Фрайарсгейта были бесконечно преданны Болтонам, добровольно соглашаясь отдавать работе на них три дня в неделю, как в прежние времена. У селян были также свои наделы, где они выращивали собственное зерно, и в урожайные годы они даже продавали излишки. Если же возникали споры, Розамунда с помощью Хью и Эдмунда старалась их разрешить.

Оуэн Мередит, воспитанный среди знатных людей, уже забыл о существовании таких имений. Детство до переезда во дворец Джаспера Тюдора тоже помнилось ему плохо. Поэтому он с невероятным интересом наблюдал, как умело выполняет Розамунда свои обязанности хозяйки богатого поместья, причем с такой легкостью, что со стороны это казалось делом совсем несложным. Однако он понимал, что это не так. Ей приходилось очень нелегко, тем более что каждый день после обеда он обучал новую подопечную короля французскому и светской латыни, на которой говорили и писали при дворе. Иностранные языки трудно давались Розамунде, но она старалась изо всех сил, с такой решимостью, что Оуэн от души радовался. До сих пор у него вызывали восхищение только мать короля Маргарет Бофор, графиня Ричмонд, известная как Достопочтенная Маргарет, и его жена, Элизабет Йорк, женщины уже не очень молодые, обладавшие достаточным жизненным опытом, и все же эта юная девушка чем-то походила на обеих. То же чувство долга и внешняя мягкость, как у Элизабет, те же решительность и преданность, как у Достопочтенной Маргарет. Он понял, что беспокоится, сумеет ли провинциальная девушка вроде Розамунды, не имея ни титула, ни влиятельных родственников, прижиться при дворе Генриха VII. И тут вдруг сообразил,

что его единственная обязанность – доставить Розамунду ко двору и на этом их отношения закончатся. Это почему-то расстроило Оуэна.

Лето подходило к концу. Настал Ламмас², а вместе с ним и начало жатвы. Ламмас был праздником, в котором главную роль играл хлеб. На рассвете Розамунда вышла из дома с миской хлебных крошек из каравая, пролежавшего целый год, и скормила их птицам.

Арендаторы были приглашены на обед, состоявший в основном из хлебных и мучных блюд. Подавали хлебный пудинг с орехами, сыром и яйцами, овечий желудок, фаршированный хлебом, овощами, яйцами, сыром и свининой, мортрюс – мясное блюдо с яйцами и хлебными крошками, ячменные лепешки с пахтой, большой круг сыра и сидр с пряностями и плавающими в нем яблоками.

Когда все поели, начались игры. На лугу мужчины гоняли мочевой пузырь овцы, набитый шерстью. Смысл состоял в том, чтобы перекинуть импровизированный мяч с одного конца луга на другой. Лучники метали стрелы в соломенные мишени, установленные перед домом. Победителю подносили большую кружку эля. Когда день стал клониться к закату, все вернулись в зал, где замужние женщины сидели за игрой, названной «Принеси выигрыш в дом». Каждой рассказывалась воображаемая неприятная история о ее муже, и участницы должны были обернуть ситуацию в свою пользу. Женщину, добившуюся этого и сумевшую развлечь слушательниц, объявляли победительницей и награждали синей шелковой лентой.

В конце праздника всем участникам дарили хлебцы из муки нового урожая с маленькими, вставленными в них свечками.

На следующий день Оуэн завел с Розамундой разговор об отъезде.

– Вы должны назначить дату нашего путешествия, миледи, – тихо сказал он, когда они сидели в зале за уроком французского. Он и обратился к ней на этом языке.

Она вскинула растерянные глаза, и Оуэн понял, что она сообразила, о чем идет речь. Но девушка тут же попросила:

– Пожалуйста, говорите со мной на нашем добром английском языке. Я не разобрала ни единого слова.

– Ах, маленькая обманщица, – добродушно пошутил он, по-прежнему на французском. – Ты прекрасно поняла меня, Розамунда.

– Вовсе нет! – вскричала она, но тут же в ужасе зажала рот рукой, осознав, что разоблачена, и обреченно пробормотала по-английски: – Назавтра после Дня святого Михаила³.

– Но это еще почти два месяца, Розамунда!

– Вы сказали, что король в вас не нуждается, сэра. Что вы не важная персона. Как и я. Король просто выполняет свой долг перед Хью Кэботом. Почему нам вообще нужно ехать?

– Потому что, если мы останемся, твой дядя может обратиться к королю с просьбой об опекунстве, – тихо объяснил он. – Эту петицию может увидеть не король, а один из его секретарей, который не задумается выжать деньги из Генри в обмен на помощь. Только и всего! Генри Болтон вновь завладеет тобой и поместьем, а мальчишка станет твоим мужем. Если ты действительно желаешь этого, я вернусь на юг, обо всем доложу королю, и дело сделано. Но если предпочтешь исполнить желания мужа, перестань бояться неведомого и едем со мной.

Зеленовато-карие глаза вопросительно глядели на девушку.

– Но в День святого Михаила я по традиции нанимаю слуг на будущий год и плачу им, – прошептала она.

– Это сделает Эдмунд. Первого сентября, Розамунда.

– Слишком скоро!

² 1 августа, праздник урожая.

³ 29 сентября.

Она поспешно сморгнула слезы.

Оуэн Мередит скрипнул зубами, стараясь ожесточить свое сердце против женских хитростей. Ах уж эти дамы! Всегда плачут, когда стараются добиться своего.

– Все нет. У тебя почти целый месяц, чтобы собрать вещи и передать дела Эдмунду и остальным. Ты знала, что этот день приближается. Я здесь уже почти четыре месяца, Розамунда, и не был при дворе почти пять. Пора. Подумай о Мейбл. Она тоже должна приготовиться. Пойми, она покидает мужа ради тебя!

– Я никогда еще не уезжала из дома, – всхлипнула Розамунда, и Оуэн понимающе кивнул. – Мне не очень страшно, просто я не из тех девушек, кому по душе приключения.

– Какое же это приключение? Всего лишь путешествие от Фрайарсгейта до королевского двора. А в хозяйстве королевы жизнь течет тихо, мирно. У тебя будут свои обязанности, и твои дни будут заполнены только ими. Так что никаких особенных волнений не предстоит. Единственная разница в том, что там ты не будешь хозяйкой.

– Но когда я снова вернусь домой? – жалобно пробормотала Розамунда.

– Через определенный срок королева может позволить тебе навестить Фрайарсгейт. Или приедешь с мужем, выбранным тебе королем. Ты ведь понимаешь, что рано или поздно снова придется выйти замуж, возможно, за человека, которого выберет сам король.

– Иными словами, мне снова навяжут супруга, – раздраженно отрезала она.

– Таковы обычаи света, Розамунда, – пожал плечами Оуэн.

– Я надеялась, что на этот раз выйду за человека, которого полюблю, – призналась девушка.

– Возможно, так оно и будет, – пообещал он. – А вдруг ты со временем полюбишь выбранного тебе мужа? Но как бы то ни было, нужно исполнять свой долг, Розамунда. Я давно понял, что ты именно такова.

– Да, сэр, – кивнула она. – Все же было бы неплохо, если бы мне удалось последовать девизу нашей семьи – *Tracez votre chemin*.

– Сам прокладывай себе путь. Хороший девиз, и кто знает, моя прекрасная дева, может, ты и сумеешь проложить свой путь. Никому не известно, что принесет завтрашний день. Несмотря на нашу нелюбовь к переменам, жизнь полна сюрпризов. Я скажу Эдмунду Болтону, что мы покидаем Фрайарсгейт первого сентября. Ну как?

– Хорошо, – нерешительно протянула девушка. – Сколько телег взять для вещей?

– Всего одну вьючную лошадь. Видишь ли, – пояснил он, – при дворе у тебя наверняка не будет своих покоев. Вы с Мейбл станете спать в большой комнате вместе с фрейлинами королевы и их служанками. Маленький сундук – это все, что у тебя будет. Нужно уметь быстро складываться, поскольку двор постоянно переезжает с места на место. Король и королева никогда не остаются надолго в одном дворце. То и дело перебираются из Лондона в Гринвич, Ричмонд, Виндзор и обратно. А летом их величества привыкли навещать поместья своих благородных подданных. Если пригласят и тебя, ты все три месяца проведешь в дороге. Повезет, если останешься в каком-нибудь из дворцов. Тогда хоть спать будешь в постели.

– Звучит не слишком приятно, – сухо заметила Розамунда.

– Так и есть, – усмехнулся Оуэн, – и хуже всех приходится холостым рыцарям. Счастье, если достанется место в зале у огня, если же нет – приходится ночевать в конюшнях и псарнях.

– По крайней мере там тепло, – утешила Розамунда. – Вы не женаты? Нет, конечно, нет. Как и мой Хью, вы не можете позволить себе такую роскошь.

– Да, – согласился он. – Все унаследовал мой старший брат. Второй служит церкви. Одна из моих сестер замужем, остальные две – монахини. Для меня было огромной удачей

получить место в хозяйстве Джаспера Тюдора. Мой отец знал его главного управителя. Тот был родственником матери и пожалел меня.

– Вы скучаете по семье? – полюбопытствовала Розамунда.

– Нет. Отец ненавидел меня, потому что мое рождение унесло жизнь матери. По-моему, он и десяти слов мне не сказал, прежде чем я покинул дом. Старшим ребенком была моя сестра Энит. Ей исполнилось двенадцать, когда я родился. Именно она заботилась обо мне первые четыре года, до того как вышла замуж. Как я тосковал по ней! Мой старший брат, стараясь угодить отцу, тоже не обращал на меня внимания. И вскоре после свадьбы Энит он женился. К тому времени как мне исполнилось шесть, его жена родила ему следующего наследника, к величайшему восторгу отца. Средний брат жил в монастыре, как и две младшие сестры. Оставался один я. Брат называл меня пятой спицей в колеснице. Но тут к нам приехал главный управитель Джаспера Тюдора, пожелавший побывать на могиле моей матери. Он увидел, каким бременем я стал для семьи, и взял меня с собой, сказав отцу, что в хозяйстве его господина есть место пажа. Разумеется, мой родитель был рад-радехонек отпустить меня.

– И вправду повезло, – кивнула Розамунда. Ничего не скажешь, ему пришлось куда хуже, чем ей. Когда у нее родятся дети, она сделает все, чтобы они чувствовали себя желанными и любимыми.

Оуэн Мередит рассмеялся:

– Места не оказалось, но мой родственник все устроил. Он же научил меня моим обязанностям, словом, заменил мне отца, которого у меня, считай, не было. Не знаю, что бы стало со мной, если бы не он. Благодаря его доброте я сумел продвинуться в жизни.

– И стали рыцарем, – добавила Розамунда.

– Я служил у Джаспера до самой его смерти. До тринадцати лет был пажом. Потом оруженосцем.

– За какой подвиг вас посветили в рыцари? – спросила она. Он впервые говорил о себе так свободно и открыто. Чем-то Оуэн походил на Хью, но не совсем. Кроме того, он красив. Волосы Оуэна были чуть темнее, чем у Хью, но в них проглядывали золотистые отблески, которые очень ей нравились.

– Я уже рассказывал твоим дядьям, – начал он, – что был посвящен в рыцари в пятнадцать лет, после битвы при Стоуке, когда мы нанесли поражение претенденту Ламберту Симмелу.

– На что он претендовал и почему было так необходимо сражаться с ним? – удивилась Розамунда.

– Это было еще до твоего рождения, – усмехнулся Оуэн. – У прежнего короля, Эдуарда IV, было два сына. Их дядя после смерти брата захватил трон. Тогда говорилось, что Англия не нуждается в монархе-ребенке. Оба мальчика исчезли, и больше их никто не видел. Поговаривали, что их дядя, король Ричард III, убил племянников и похоронил в лондонском Тауэре.

– Правда? – ахнула Розамунда. – Какое ужасное преступление!

– Не знаю. И никто не знает. Но после этого наследник другого королевского дома, Генрих Тюдор, вернулся в Англию, чтобы сражаться с королем Ричардом, свергнуть его и воцариться на троне. Он женился на принцессе Элизабет, старшей сестре несчастных принцев и наследнице королевского дома Йорков. Но следовало еще уничтожить этого Ламберта Симмела.

– Должно быть, вы хорошо сражались, сэра, если удостоились рыцарских шпор.

– Это правда, – скромно признался Оуэн. – Я отдал бы жизнь за дом Тюдоров, ибо они взяли меня к себе, вырастили и дали все, что у меня есть.

– И что же у вас есть, сэра рыцарь? – поинтересовалась она.

– Дом, куда бы ни прибыл король, но важнее всего – цель в жизни. Служба его величеству.

– Понимаю, – кивнула она, – и все же это кажется таким ничтожным по сравнению с вашей верностью. У вас нет ни земли, ни поместий. Что станется с вами, когда вы состаритесь и уже не сможете сражаться за короля? Что происходит с добрыми рыцарями вроде вас, Оуэн Мередит?

– Я либо погибну в бою, либо брат сжалится и даст мне приют в последние годы моей жизни, потому что это его почетная обязанность. Я окажу семье честь своими заслугами.

– Когда вы в последний раз виделись с братом или его семьей?

– В тот день, как покинул Уэльс. Но брат сообщил о смерти отца. Он не забыл меня, Розамунда.

Нет, возможно, нет. Брату Оуэна не повредит иметь друга при дворе, пусть даже небогатого и не слишком влиятельного. Ведь если понадобится, Оуэн даже может обратиться к королю ради семьи. Она сама поступила бы точно так же, как и любой практичный человек.

Ей казалось, что дни летят с почти угрожающей скоростью. Розамунда наслаждалась каждой своей минутой во Фрайарсгейте. Ей по-прежнему не хотелось уезжать. Если бы только Хью посоветовался с ней! Но Оуэн прав: если она останется, дядя обязательно найдет способ наложить лапу на нее и на поместье. Только ценой отъезда она может сохранить Фрайарсгейт.

Девушка немного боялась, хотя старалась ничем не выказывать своих чувств. *Tracez votre chemin.* Она найдет свой путь.

Мейбл никак не могла решить, что взять с собой, и под конец засунула все, что могла, в маленький сундучок, набив его до отказа. Сэр Оуэн посоветовал Эдмунду хранить какую-то сумму золотом у лондонского менялы, чтобы у Розамунды всегда были свои деньги. Он направит Мейбл к честному порядочному торговцу тканями, а для этого нужны деньги. С собой лучше не брать много, чтобы не ограбили в пути. Деньги следует отвезти в Карлайл, а оттуда переправить в Лондон.

Маршрут был тщательно продуман. Сэр Оуэн выслал гонца, чтобы предупредить все попадавшие по пути монастыри. Поездка займет две недели или больше, в зависимости от погоды. Сэр Оуэн привык к путешествиям на большие расстояния, но его подопечная впервые покидает дом. До сих пор она оставляла поместье всего два раза в компании мужа и дяди, чтобы купить или продать скот и лошадей. Она никогда не видела настоящего города.

Свои последние дни на родной земле она провела, навещая арендаторов, прощаясь с ними и напоминая о том, что в ее отсутствие вся власть принадлежит Эдмунду. Именно он будет править от имени Розамунды Болтон, а они должны ему беспрекословно повиноваться. Некоторые обитатели Фрайарсгейта дарили девушке собственноручно сделанные безделушки: гребень из яблоневого дерева, украшенный двумя голубками среди цветов яблони, кожаный футлярчик для иголок, высланный красным фрайарсгейтским фетром. Женщина, выигравшая на празднике синюю ленту, вышила ее обрывком золотой нити, добытой бог знает где, и отдала хозяйке со словами:

– Она прекрасна, моя маленькая госпожа, но куда больше подходит вам, чем жене пастуха. Смотрите, я расшила ее звездами, чтобы вы помнили ночное небо над Фрайарсгейтом, когда станете жить среди богатых и знатных. Вы вернетесь к нам, миледи?

Ее обветренное лицо светилось искренним беспокойством.

– Как только мне позволят, Энни, клянусь! – выпалила Розамунда. – Хорошо бы вообще никуда не ехать, но, боюсь, дядя вновь попытается получить надо мной опеку. Так я по крайней мере буду в безопасности.

Энни кивнула.

– Похоже, у богатых немало своих бед, – заметила она.

Розамунда рассмеялась.

– И не говори, – согласилась она. – В этой жизни ничто не достается просто.

Назавтра во Фрайарсгейт неожиданно явился дядя Ричард и привез с собой из аббатства молодого священника, отца Мату. Последний с первого взгляда понравился Розамунде и Эдмунду. Среднего роста, довольно полный, с веселыми голубыми глазами, сверкавшими из-под клочковатых бровей, с детским лицом и розовыми щеками, он к тому же оказался ярко-рыжим, если судить по остаткам волос, окружавших тонзуру.

– Я благодарен, миледи, – с поклоном начал он, – за честь, которую вы мне оказали.

– Житье здесь не очень привольное, поскольку обязанностей у вас будет много. Но еда у нас обильная, крыша вашего дома не протекает, и дымоход прочищен.

– Я буду ежедневно служить мессу, – пообещал он, – праздновать дни всех святых, но сначала обвенчаю всех, кому это нужно, и окрещу детей.

– Непременно! – воскликнула Розамунда. – Мы все вам рады.

– А когда вы вернетесь, миледи? – осведомился священник.

– Когда мне позволят, – вздохнула Розамунда.

– Пойдем, – велел Эдмунд, видя, что племянница опять расстроилась. – Покажем доброму отцу его дом. Обедать станете в зале, вместе со мной, отец Мата. Я буду рад компании.

Он направился к каменному коттеджу рядом с церковкой.

Утро первого сентября выдалось облачным и ветреным, собирался дождь. Тем не менее сэр Оуэн настаивал, чтобы они не задерживались. Он знал, что чем дольше они тянут с отъездом, тем труднее Розамунде решиться: несмотря на все усилия, страхи явно ее одолевали. На рассвете отец Мата отслужил раннюю мессу. В зале уже был накрыт завтрак. Корки свежее испеченного хлеба, еще теплые, были наполнены овсянкой, но Розамунда не могла есть. Желудок судорожно сжимался.

– Нельзя отправляться в дорогу голодной, – твердо сказал ей сэр Оуэн. – Это лучшая еда, которую ты получишь за много дней. Странноприимные дома монастырей и церквей отнюдь не славятся едой или напитками. Ты будешь голодна весь день, если не поешь сейчас.

Розамунда послушно сунула ложку в пересохший рот. Каша легла в ее животе горячим камнем. Она пригубила вина с водой, показавшегося ей кислятиной. Откусила сыра, слишком, на ее вкус, сухого и соленого. И наконец робко поднялась.

– Наверное, пора.

Слуги выстроились в ряд, чтобы пожелать ей счастливого пути. Она со слезами на глазах распрощалась с ними. Женщины заплакали. Розамунда вышла во двор, но и там столпились люди. Девушка неожиданно повернулась.

– Я забыла погладить собак! – воскликнула она, бросившись назад.

Остальные терпеливо дожидались ее возвращения.

– Интересно, – пробормотала она, показываясь в дверях, – окотилась уже Пусскин или нет? Пойду в конюшню, посмотрю.

И она снова исчезла.

– Как только она снова появится, Эдмунд, усади ее на лошадь хотя бы силой, – раздраженно бросила Мейбл. – Моя задница уже болит от седла, а я еще и шага не проехала.

Эдмунд и Оуэн рассмеялись.

– Мейбл, ты уложила вышитую ленту Энни? – осведомилась прибежавшая Розамунда. – Я уверена, что видела ее на полу спальни. Вернись-ка я, пожалуй, и посмотрю, так ли это.

Но Эдмунд поспешно схватил племянницу за руку, подвел к кобыле и посадил в седло.

– Все собрано, Розамунда, – строго заметил он, вручая поводья сэру Оуэну. – Поезжай с Богом, девочка. Мы все будем ждать твоего возвращения, которое настанет тем скорее, чем скорее ты отсюда уедешь.

Он хлопнул лошадь по крупу, и кобыла рванулась вперед.

– Я не хочу выслушивать сплетни, когда приеду назад, – прошептала Мейбл мужу. – Береги себя, старичок ты мой. Носи фланелевые рубашки, которые я сшила тебе, иначе схватишь простуду зимой.

– А ты, женщина, не кокетничай с придворными красавцами. Помни, что ты моя дорогая жена, – парировал он с теплой улыбкой. – И хотя любишь командовать, я все равно стану скучать по тебе.

Мейбл только фыркнула на это и подстегнула лошадь.

Розамунда всего дважды уезжала из дома, и оба раза не дальше, чем на несколько миль. Муж и дядя брали ее на ярмарки. Она никогда не проводила ночь вдали от Фрайарсгейта и своей постели. Знал ли Хью, что делает, отдавая ее на попечение фактически незнакомого человека? В эту минуту она почти желала, чтобы дядя Генри настоял на своем и она по-прежнему оставалась дома. Почти.

Но постепенно страхи развеялись, и Розамунде даже стала нравиться поездка. Помня о том, что подопечная не привыкла проводить в седле целый день, сэр Оуэн к полудню остановился на отдых. Они пообедали тем, что приготовила кухарка Фрайарсгейта. Аппетит у Розамунды к этому времени разыгрался, и она с удовольствием отдала должное жареному петуху, еще теплым пирогам с крольчатинной, хлебу с сыром и твердоватым грушам из ее собственного сада.

Через несколько часов они остановились в маленьком монастыре: пошел дождь и ехать стало невозможно. Их ожидали и поэтому с радостью приняли, но сэра Оуэна послали на мужскую половину, а женщины остались с монахинями. Этой ночью они были единственными приезжими.

В этот же вечер Розамунда признала правдивость слов Оуэна. Их ужин состоял из густого овощного супа, поданного в небольших корках ржаного хлеба, и маленького ломтика твердого сыра. Эль оказался горьким, и пили они мало. Постель была не лучше: два плоских соломенных тюфяка с блохами и клопами. Утром подали овсянку, которую пришлось есть ложками из общего горшка, к овсянке полагалось по куску хлеба. Сэр Оуэн сделал небольшое пожертвование, и они уехали.

Огороженный высокой стеной Карлайл был первым городом, который увидела Розамунда. Девушка широко раскрыла глаза, проезжая через городские ворота. Сердце ее забило быстрее, когда они пробирались по узким улочкам, по обеим сторонам которых теснились дома. Никакой зелени, ни единого сада. Они миновали Хай-стрит, направились на юг, к церкви Святого Катберта, примыкавшей к монастырю, где служил Ричард Болтон. В странноприимном доме этого монастыря им предстояло провести ночь.

– Похоже, мне не слишком нравятся города, – заявила Розамунда. – Почему здесь так воняет, Оуэн?

– Если внимательно присмотреться, леди, можно увидеть на мостовых содержимое ночных горшков всех жителей. Оно стекает в канавы по обочинам, – пояснил он.

– От моих коров пахнет лучше, – фыркнула она.

– Ну же, леди, – поддел он, – сельская девица вроде вас не должна чураться неприятных запахов!

Розамунда покачала головой.

– Неужели городским жителям нравится сидеть за стенами, взаперти, в этой духоте? – подивилась она. – Нет, мне это совсем не нравится.

– Город обнесен стеной, чтобы не допустить врагов, – пояснил Оуэн. – Здесь много всяких ценностей, есть что украсть, а шотландцы не дремлют. Карлайл – безопасное убежище для всего окрестного люда. За его оградой можно высидеть любую осаду.

На следующее утро они, к облегчению Розамунды, уехали, и впереди потянулись унылые пустоши Уэстморленда, сменившиеся холмами и озерами Ланкашира с его лесами и оленьими парками. Сэр Оуэн объяснил, что они едут по дороге, вымощенной римлянами свыше тысячи лет назад. Из Чешира они перебрались в Шропшир, где погода уже была совершенно осенней. Розамунда радовалась, что на ней голубой шерстяной плащ с капюшоном. Ей понравились черномордые овечки, пасущиеся на полях Шропшира. Она со знанием дела сказала сэру Оуэну, что их шерсть даже лучше, чем фрайарсгейтская. Она надеялась со временем приобрести отару, хотя это очень сложно, поскольку владельцы не хотят с ними расставаться. Все же, если бы она смогла найти барана-производителя и двух маток, начало было бы положено.

– Ну вот, я везу тебя ко двору, а ты толкуешь о разведении овец, – рассмеялся он.

– Я понимаю, что Хью хотел меня защитить и показать мир, – кивнула Розамунда, – но в душе всегда останусь сельской девчонкой. Судя по тому, что вы мне рассказывали, вряд ли я приобрету влияние при дворе. При встрече с королем я попрошу немедленно отпустить меня домой, а если найду подходящего жениха, непременно попрошу у его величества разрешения на свадьбу.

– Не знаю, когда ты увидишь короля, – вздохнул Оуэн. – По крайней мере не сразу. Рад, что ты поняла: среди сильных мира сего тебе не место.

Интересно, неужели она стала еще красивее с прошлой весны? Проведя несколько месяцев во Фрайарсгейте, он понял ее желание оставаться дома. Мало того, вдруг осознал, что тоже не хочет покидать Фрайарсгейт. Не так-то легко всю жизнь быть у кого-то на службе, пусть даже у самого короля.

– Мне понравится при дворе? – неожиданно спросила Розамунда. Оуэн посмотрел на нее так пристально, что ей отчего-то стало не по себе. Зеленоватые глаза встретились с янтарными.

– Надеюсь, Розамунда. Не хотелось бы, чтобы ты была несчастлива.

При встрече с Генри Болтоном ему стало ясно желание Хью Кэбота защитить от него Розамунду. Но так ли уж разумно разлучать ее с домом?

Дороги Стаффордшира оказались ужасными: удивительно тем более, что ежедневно по ним проезжало множество путешественников, стремившихся на юг. Снова пошел дождь, и землю размыло. Перебраться через реки тоже было нелегко: переправ не хватало, и им пришлось ждать едва ли не час, чтобы проехать по узкому мостику. Деревянные доски скрипели под тяжело груженными телегами и копытами лошадей. Местность вокруг была лесистая, а редкие луга до сих пор оставались зелеными. Однако пейзажи портили уродливые ямы рудных разработок, где добывались уголь и железо.

Они двигались довольно медленно и были в пути уже свыше двух недель, но сэр Оуэн считал, что это вполне естественно, так как женщины непривычны к седлу.

Уорикшир с его чудесными пастбищами и лугами показался Розамунде прекрасным. Все восемнадцать его торговых городов процветали и были весьма оживленными. Розамунда уже привыкла к городам, но признавалась Мейбл, что предпочла бы жить в сельской местности.

Они пересекли Нортгемптоншир, казавшийся странно изолированным и диким по сравнению с остальными графствами, через которые они проезжали. Стада коров и отары овец паслись на все еще зеленых лугах. Как, впрочем, и в Бекингемшире, на последнем этапе пути из Уэльса в Лондон, где скот откармливали перед продажей.

Они добрались до города Сент-Олбанс в Харфордшире, и, зная, что у Розамунды вскоре будет мало времени для развлечений, Оуэн повел ее и Мейбл посмотреть на гробницу святого в большом аббатстве. Святой Олбанс был первым английским святым и римским солдатом.

Розамунда еще никогда не была в таком огромном соборе. Гигантское каменное строение вздымалось над их головами. Переливающиеся витражи отбрасывали причудливые тени на каменные полы. Ни Розамунда, ни Мейбл никогда не видели цветного стекла.

– Как бы отец Мата дивился на такую красоту! – вздохнула Розамунда. – Когда-нибудь я вставлю цветные стекла в нашей маленькой церкви, хотя, разумеется, не такие красивые и большие.

– Они будут еще прелестнее, если другие строения не будут их загораживать, особенно когда в них будет отражаться чистый свет Камберленда, – спокойно отметил Оуэн. – Похоже, мне будет недоставать твоего Фрайарсгейта.

– Может, вам разрешат проводить меня домой, – с надеждой пробормотала Розамунда. – Хорошо бы вернуться весной!

– В таком случае тебе придется провести осень и зиму при дворе.

– Вряд ли у меня есть выбор, не так ли? – рассмеялась она. – Когда мы окажемся в Лондоне?

– Сначала мы отправимся в Ричмонд, – объяснил он. – Думаю, это любимое место короля. Обычно он там охотится осенью. Если его там нет, нам скажут, где он. Это значит, что нам придется провести еще один день в дороге.

Король, однако, оказался в Ричмонде. Проезжая парк, в котором стоял дворец, они увидели на крыше королевский штандарт. С башни свисало красное знамя пендрагонов⁴, развевающееся на прохладном ветерке. Внизу сверкали на солнце серые струи Темзы.

– Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь! – взмолилась потрясенная Розамунда, натянув поводья и оглядывая открывшийся перед ней вид. – О, какой же он большой! – восторженно выдохнула она. – Я не могу жить в таком огромном здании. Обязательно заблужусь!

Оуэн увидел, что она вот-вот расплечется, спешил и снял девушку с седла.

– Давай немного пройдемся вместе, – предложил он. – И ты, Мейбл, тоже.

Он осторожно поставил на ноги пухленькую коротышку Мейбл.

Та отряхнула юбки и с облегчением потеряла ягодицы.

– А-ах, сэр, так куда лучше! – объявила она.

Ее спутники рассмеялись. Оуэн взял Розамунду за руку и пошел вперед, ведя лошадей в поводу. Мейбл плелась следом.

– Мы пробьли в дороге почти месяц, – начал он. – Понимаю, что ты до сих пор не уезжала далеко от своего любимого Фрайарсгейта и все, что сейчас увидела, совсем ново для тебя и, возможно, немного пугает. Города, монастыри, а теперь и дворец. Он действительно велик, но скоро ты будешь знать в нем все закоулки.

– И все королевские дворцы такие? – выпалила Розамунда.

– Некоторые даже еще больше, а кое-какие и меньше. Ричмонд выстроен на руинах дворца, называвшегося Шин. Он сгорел дотла в ночь святого Фомы три года назад. Король с семьей находились здесь и праздновали Рождество, но всем удалось спастись. Однако монарх так любил это место, что велел построить новый красивый дворец со всеми возможными удобствами. Откровенно говоря, это одна из лучших королевских резиденций, хотя мне по душе также Гринвич и Виндзор. Здесь у тебя хотя бы будет своя постель. В Ричмонде все дамы королевы получают отдельные комнаты. Здесь о тебе не забудут, и, кроме того,

⁴ Титул английских и валлийских баронов.

королева чаще всего бывает именно здесь, когда двор переезжает из одной резиденции в другую.

– Но что я буду тут делать? Терпеть не могу праздности! – воскликнула Розамунда, нервно озирая дворец.

Боже! Что сделал с ней Хью! Неужели она не могла остаться дома и каким-то образом уберечься от дяди Генри?

– Станешь выполнять все, что поручит тебе королева. Ей требуется много помощниц. Поэтому у нее столько придворных дам.

Розамунда ничего не ответила, тревожно разглядывая многочисленные строения. Фасад дворца был обращен на юг, к реке. Они приближались к зданию с севера, пересекая обширный парк. Ричмонд простирался до самой Фрайарз-лейн, за которой виднелся монастырь отцов-францисканцев, основанный два года назад самим королем. Дворец был выстроен из кирпича, с башнями по углам. Ворота были сделаны из сердцевины ясеня, усажены железными гвоздями и закрывались каждую ночь на тяжелые железные засовы. Левые ворота, по словам Оуэна, вели в винные погреба и на открытый теннисный корт, за которым простирался королевский сад, окруженный кирпичной оградой высотой в двенадцать футов и засаженный фруктовыми деревьями, виноградом, розами и другими цветущими растениями. Там же находился парк с каменными львами, драконами и другими чудовищами. За этим садом раскинулся другой, довольно большой фруктовый сад, с голубятней и галереей, по которой можно было попасть в личные покои короля и королевы.

Основные ворота, те, что справа, вели на Большой двор. Путники снова сели на лошадей и направились туда. Над воротами красовалась большая каменная плита, на которой были выгравированы гербы Тюдоров и Йорков.

Они спешили, и женщины последовали за сэром Оуэном по брусчатке двора. Откуда-то взявшийся ливрейный лакей нес их вещи.

– Здания, окружающие этот двор, предназначены для приближенных короля и придворных дам, ведающих гардеробом королевы, – пояснил сэр Оуэн. Через каменную арку они вышли в другой двор. – А это Средний двор.

Женщины огляделись. В самом центре стоял огромный фонтан с резными львами, драконами и грифонами. Вокруг фонтана, из которого лилась кристально чистая вода, цвели белые и красные розы.

– Здесь живет лорд-гофмейстер, – сказал Оуэн, показывая налево, – и размещаются апартаменты принца. За ними – королевская часовня, а справа – апартаменты королевы. Вот это двухэтажное здание из красного кирпича.

Они направились туда. Дверь оказалась открытой. К ним немедленно подошел лакей в ливрее цветов королевы.

– Это леди Розамунда из Фрайарсгейта, того, что в Камбрии. Она – новая подопечная короля, – объявил рыцарь. – Мне было приказано привезти ее сюда, в дом королевы. Я сэр Оуэн Мередит, на службе у его величества.

– Пойдемте со мной, – обронил слуга и, не оглядываясь, поспешил вперед.

Они поднялись по лестнице, прошли по коридору и оказались перед новой дверью. В комнате было много женщин всех возрастов. В большом, обитом бархатом кресле сидела дама с добрым лицом и ясными глазами, поставив ноги на маленький табурет. Заметив вновь прибывших, она знаком велела им подойти.

– Сэр Оуэн, не так ли? – мягко спросила она.

Рыцарь упал на колени и поцеловал руку ее величества.

– Вы очень добры, ваше величество, что помните меня.

По ее кивку он встал и отступил.

– А кто это прелестное дитя? – осведомилась Элизабет, вопросительно поднимая брови.

– Это леди Розамунда Болтон, вдова сэра Хью Кэбота, наследница Фрайарсгейта в Камбри. Покойный муж, как вы помните, молил короля взять ее под свое покровительство. Несколько месяцев назад меня послали привезти ее, и мы только что прибыли, ваше величество.

– Благодарим вас, сэр Оуэн, – откликнулась королева. – Можете сообщить моему супругу о возвращении и о том, что вы честно выполнили долг. Он будет счастлив видеть вас. С тех пор как вы уехали, у него нет достойного соперника в шахматных сражениях.

Она улыбнулась. Улыбка необыкновенно преобразила ее лицо, превратив миловидную женщину в неотразимую красавицу. Она снова протянула руку рыцарю. Он поцеловал ее и перед уходом прошептал Розамунде:

– Теперь я вас покидаю, миледи. Может, мы снова встретимся когда-нибудь.

Он поклонился и, дружески подмигнув Мейбл, вышел.

«Не уходи!» – хотела вскрикнуть Розамунда, но побоялась. Они с Мейбл остались совсем одни среди всей этой толпы. Но тут королева неожиданно устремила взор на девушку.

– Думаю, ваше путешествие было долгим.

– Да, мадам, – прошептала Розамунда, приседая.

– Я помню, как всего боялась, когда уехала из дома впервые, – заметила королева. – И все же через короткое время вы почувствуете себя здесь своей, дитя мое. По крайней мере вас хоть понять можно. Вдова моего покойного сына не знала никакого языка, кроме своего родного. Она испанская принцесса. Вон она, на другом конце комнаты, окруженная теми черными воронами, которых привезла с собой из Испании. Правда, девушка она хорошая. Итак, что же нам делать с вами, Розамунда Болтон из Фрайарсгейта?

– Не знаю, ваше величество, – дрожащим голосом пролепетала Розамунда.

– Что же, для начала расскажите, почему ваш муж просил о нашем покровительстве, – осторожно допытывалась королева. – И кто ваша спутница?

– Это Мейбл, ваше величество. Она моя няня и вырастила меня. А теперь оставила мужа, чтобы поехать со мной, – пояснила Розамунда. – И до смерти моего Хью, упокой Господи его безгрешную душу, я не знала о его намерениях отдать меня под защиту короля. Но он сделал это, чтобы помешать моему дяде Генри выдать меня замуж за своего пятилетнего сына и украсть Фрайарсгейт. Дядя Генри мечтал его заполучить с самой смерти моих родителей и брата, когда я в три года осталась сиротой. Дядя выдал меня за своего старшего сына, но тот умер от пятнистой болезни. Потом он устроил мой брак с Хью Кэботом, потому что я все еще была совсем ребенком, а Хью – уже стариком. Генри решил, что так я останусь невинной и сохраню себя для его второго сына, который в то время даже не родился. Но Хью был благородным человеком и как мой муж имел полное право позаботиться о моем будущем. Поэтому и послал меня к королю, чтобы защитить.

Все это Розамунда выпалила на едином дыхании. Королева тихо рассмеялась.

– Но ты жалеешь об этом, не так ли, дитя мое? Все же мы исполним желание твоего мужа и уберем тебя от этого человека, а со временем найдем жениха, достойного тебя, Розамунда Болтон. Так что же все-таки с тобой делать?

– Не знаю, ваше величество, – уныло повторила Розамунда.

– Ты слишком взрослая, чтобы сидеть с Мэри в детской. Похоже, ты ровесница Маргарет. Сколько тебе лет, Розамунда?

– Исполнилось тринадцать в апреле, мадам.

– Значит, ты на шесть месяцев старше Маргарет. Она королева Шотландии, поскольку помолвлена с королем Яковом. Можно пока поместить тебя к ней. Следующим летом она выйдет замуж, и тогда, возможно, войны между нами прекратятся, – размышляла королева. –

Да, я отдам тебя в компаньонки Маргарет и Екатерине, вдове моего сына. Вы все примерно одного возраста. Принцесса Екатерина!

Она поманила к себе девушку. Та поднялась с места и, поспешив на зов, низко присела.

– Si, мадам?

– Екатерина, это леди Розамунда. Она станет компаньонкой вам и королеве Маргарет.

Вы меня поняли?

– Si, мадам, поняла, – ответствовала семнадцатилетняя Екатерина Арагонская.

– Отведите ее к Маргарет и передайте мои пожелания.

– Si, мадам, – повторила принцесса.

– Нужно говорить «yes», Екатерина, – устало поправила королева. – Вы должны объясняться по-английски, дитя мое. Когда-нибудь вам предстоит стать королевой Англии.

– Я думала, ее муж...

Розамунда осеклась при виде искаженного горем лица королевы.

– Мы надеемся, – выговорила она наконец, – что Екатерина обвенчается с нашим вторым сыном и наследником, принцем Генрихом.

Фрейлина вложила в руку королевы кубок с вином и велела:

– Идите, девушки. Королева утомилась. Нелегко в ее годы выносить новую жизнь. Она нуждается в отдыхе.

– Да, – кивнула Элизабет. – Можете идти, Розамунда Болтон. Добро пожаловать в наш дом, и я надеюсь, что вы будете здесь счастливы.

Она утомленно прикрыла глаза.

– Пойдем, – шепнула Екатерина, дернув ее за юбку.

Розамунда последовала за испанской принцессой, которая повела ее к выходу. Неожиданно их окружили четыре дамы в черном, громко трещащие на испанском.

– Ваш язык труден для меня, – медленно произнесла Екатерина, – но я говорю на нем лучше, чем им всем кажется. Согласитесь, что можно узнать больше под личиной невежества, но ведь вы никому не выдадите меня, Розамунда Болтон?

– Нет, ваше высочество, я стану держать язык за зубами, – хихикнув, пообещала девушка. – А кто эти леди?

– Мои дуэньи. Все из хороших семей, но вынуждены исполнять обязанности служанок, компаньенок и наставниц, особенно донья Эльвира. Плохо лишь то, что они не делают ни малейших усилий, чтобы выучить английский, и слишком меня опекают. Ваша няня тоже такова?

– Иногда, – кивнула Розамунда, – но не знаю, что бы я делала без Мейбл. Куда мы идем?

– В покои моей золовки. После смерти Артура меня привезли ко двору и поместили у нее. Понятия не имею, что будет, когда ее отошлют в Шотландию будущим летом, но сомневаюсь, что вы и я останемся в столь уютных комнатах. Кстати, пусть молодая королева решит, куда вас поместить, в конце концов эти помещения отведены ей.

Екатерина остановилась перед двойными дверями и, открыв их, переступила порог. Розамунда оказалась в изысканно обставленной комнате, отделанной светлыми деревянными панелями. На окнах висели темно-синие занавеси из тяжелого бархата. По обе стороны от камина стояли ангелы из розового мрамора. В камине горели душистые яблоневые дрова.

– Маргарет! – окликнула Екатерина. – Я привела новую компаньонку.

Дверь во внутреннее помещение распахнулась, и оттуда показалась красивая девушка с гордым лицом, роскошными золотисто-рыжими волосами и блестящими любопытством сапфировыми глазами.

– Нас и так слишком много! – капризно бросила она.

– Это леди Розамунда, новая подопечная вашего отца. Ее прислала ваша мама.

– Твое платье ужасно пыльное и давно вышло из моды, – объявила Маргарет, медленно направляясь к Розамунде. – Но думаю, с этим можно что-то сделать, не так ли, Кейт? Пока остальные охотятся, мы неплохо развлечемся, превратив ее в модную даму.

– Вы очень грубы! – рассерженно сказала Розамунда. – Я почти месяц провела в дороге, чтобы попасть сюда. И в Камбрии, среди овец, мода не ценится! Одежда предназначена для тепла и чтобы прикрыть тело! Я хотела бы оказаться за много миль отсюда, только чтобы никого не видеть!

Маргарет неожиданно рассмеялась:

– О, слава Богу, ты не какая-нибудь жеманная, благовоспитанная барышня вроде нашей Кейт! Иногда она своим благочестием надоедает мне до смерти! Не то что ты. Ты никогда мне не надоешь. Откуда ты приехала? С севера? Знаешь кого-нибудь из шотландцев? Прошлым летом я обручилась с Яковом Стюартом и стала их королевой. Будущим летом состоится свадьба. Король очень стар, но, говорят, неутомимый любовник. Надеюсь, что так оно и есть. Ты будешь спать со мной, леди Розамунда из Камбрии. Теперь поблагодари меня, и мы немедленно избавимся от этого отвратительного старого платья. Нельзя же идти в нем к ужину!

Глава 5

У Розамунды впервые в жизни появились подруги ее возраста. Екатерина Арагонская была почти на четыре года ее старше, но между Розамундой и Маргарет было всего полгода разницы. Екатерина была застенчивой и сдержанной, Маргарет – надменной, дерзкой и прямой. Она, разумеется, еще не была коронована, но после помолвки считалась королевой и вела себя соответственно. Все же девушка из Камбрии сумела поладить с обеими принцессами, обращаясь с каждой с благоговением и почтительностью. Они же считали ее ровней, обучали, наставляли и помогали справиться с трудностями придворной жизни.

Маргарет Тюдор, которую близкие звали Мег, обладала немалой добротой, несмотря на гордость и изменчивость натуры. Она была куда опытнее Розамунды в делах двора, но та лучше знала обычную жизнь и характер имела более практичный. Они прекрасно дополняли друг друга, и это приятно удивляло королеву, ибо принцесса, ее второе дитя, всегда была созданием упрямым и вечно навлекала неприятности на свою голову. Общество Розамунды, казалось, благотворно на нее влияло, и мятежные выходки случались все реже.

– Моя мать считает тебя ангелом, – смеялась Мег, сидя с Розамундой в саду, через месяц после приезда девушки. – И все твердит, что ты оказываешь на меня хорошее воздействие.

– Ни для кого не секрет, что ты всегда поступаешь, как тебе вздумается, – усмехнулась Розамунда, – но если мое поведение служит для тебя примером, тогда я польщена.

– Ты не святоша, как Кейт, – последовал ответ.

– Кейт, насколько мне известно, получила определенное воспитание и ничего не может с этим поделать. Похоже, что испанцы ужасно строги со своими дочерьми. Она такова, какая есть, а вот мне с моим покойным мужем очень повезло.

– Какой он был? Хороший любовник? – мгновенно вскинулась Мег.

– Когда мы поженились, мне было шесть, а ему шестьдесят. Сама пойми, о каком любовнике может идти речь? – пояснила Розамунда, краснея. – Хью был мне скорее отцом, чем мужем.

– Моя бабушка родила отца, когда ей было столько, сколько нам, – возразила Мег. – Ты еще встретишься с ней. Ее прозвали Достопочтенной Маргарет. Меня, разумеется, поименовали в ее честь. Не знаю, люблю я ее или нет. Иногда она меня пугает. Однако она, кажется, меня любит. Она очень мудра и влиятельна. Самая могущественная особа в королевстве после моего отца.

– Где она живет? – поинтересовалась Розамунда.

– У нее есть дом в Лондоне, который называется Колд-Харбор, и несколько других, по всей стране. Кроме того, в Ричмонде у нее свои покои, но она не приедет до Рождества. Мы скоро отправляемся в Виндзор, но к Рождеству вернемся сюда. Когда я была маленькой, на этом месте стоял старый дворец Шин, но как-то зимой он сгорел. Наш отец на его месте построил Ричмонд. После Рождества мы скорее всего переберемся в Лондон, потому что ребенок у матери должен родиться в феврале, – сообщила Мег.

– Почему вы не остаетесь в одном дворце? – удивилась Розамунда. – Сколько хлопот со сборами, и из-за чего!

Мег согласно кивнула:

– Ты, наверное, права, но короли должны показываться своему народу. Кроме того, в обязанность подданных входит снабжать нас провизией. Нельзя же постоянно опустошать одни и те же земли! Поэтому мы и переезжаем с места на место. Погоди, скоро увидишь Виндзор! – хмыкнула она.

– Бедная Мейбл, – вздохнула Розамунда. – Она еще не оправилась от нашего путешествия, а теперь новая поездка! Я знаю, она беспокоится обо мне, иначе давно бы отправилась

к мужу. Как по-твоему, мне найдут супруга к тому времени, когда тебе придется отправиться в Шотландию?

– Тебя отдадут тому, кого захочет вознаградить отец, – призналась Мег. – Так поступают и с принцессами, и просто с богатыми девушками. Мы – цукаты, лакомства, которые раздают только тем, кто заслужил. Я знала это с тех пор, как поняла, в какой семье родилась. Теперь знаешь и ты. Ты не из знатной семьи, это верно, Розамунда, но твои земли обширны и, судя по слышанному мной, плодородны. У тебя много овец, скота и лошадей. Ради такого богатства можно закрыть глаза на невысокое происхождение. Мой отец, человек умный, скоро подыщет тебе пару, того, кому он доверяет и кто может быть полезен ему и Короне, особенно если речь идет о границе с Шотландией.

– Все это кажется таким холодным и расчетливым, – пожаловалась Розамунда.

– Не более чем действия твоего дяди, вознамерившегося отобрать у тебя наследство, выдав за пятилетнего малыша, – парировала Мег. – Кстати, тебя когда-нибудь целовали? Меня ни разу. Если да, расскажи, каково это.

– Ты имеешь в виду страстный поцелуй возлюбленного? – уточнила Розамунда. – Нет, никогда.

– То есть сэр Оуэн даже не попытался тебя соблазнить? – неверяще ахнула принцесса. – Он ведь очень красив, разве ты не заметила? Ну конечно, да! Недаром ты краснеешь!

– Он никогда до меня не дотрагивался, – заверила Розамунда, – но да, он очень красив и сказал, что я хорошенькая.

– Говорят, дамы от него без ума. Не будь он так беден, любая пошла бы за него, – призналась Мег.

– Почему он так нравится дамам? – поинтересовалась Розамунда.

– Он очень добр и галантен, – пояснила Мег. – И умеет посмеяться веселой шутке. Безусловно, верен и в чести у моей семьи. Но если всякий мужчина ищет богатую жену, то и мудрая женщина хочет получить состоятельного мужа. Бедный сэр Оуэн! Вряд ли он когда-нибудь женится.

Они покинули Ричмонд, сначала направившись в Лондон, где король любил праздновать Хэллоуин, День Всех Святых, и День Всех Душ. Королевские барки перевезли их по реке в Вестминстерский дворец. Первой шла барка короля. Народ, толпившийся по обоим берегам, приветствовал их величества, на которых были парадные одеяния и короны. Принц Генри, как наследник, тоже был с ними. Люди любили его, потому что он был красив, молод и обаятелен. Правда, Розамунда еще не встречалась с принцем, который был на два года моложе ее.

Зеваки одобрительно кивали при виде очевидного состояния королевы и с облегчением толковали о здоровом и румянном на вид наследнике. Народ был явно доволен своими повелителями.

За баркой короля следовало судно Достопочтенной Маргарет. Глава семейства, в роскошном платье, величественно кивала толпе.

После смерти принца Артура ходили слухи, что принцесса Екатерина ждет ребенка. К сожалению, это оказалось неправдой. Теперь она, Маргарет и их компаньонки плыли в третьей барке. Среди них была и Розамунда, восхищенно озиравшая выросший на берегах Темзы город. Пальцы девушки нервно теребили новую юбку черного шелка. Ее не оставляла мысль, что черный наряд с полосатым корсажем, отделанный вышивкой и золотыми бусинами, слишком элегантен для простой сельской девушки. Однако Маргарет Тюдор, помогая ей одеваться в подаренное платье, заверила, что это вовсе не так.

– Если хочешь быть моей компаньонкой, нужно выглядеть в соответствии с положением, – пояснила она. – Мне это платье стало тесным, но тебе подойдет идеально. Надеюсь,

что к Рождеству мы сможем сбросить траур по брату и снова носить яркие цвета. Думаю, что в черном мы вырядим чересчур бледными.

– Она легкомысленна, но сердце у нее доброе, – объявила Мейбл госпоже. – Только представить, мое дитя дружит с принцессой!

Розамунда подумала, что и без того оливковая кожа бедной Кэтрин в черном кажется попросту желтой. Мег, однако, казалась настоящей красавицей в своем черном бархатном платье с золотой отделкой. Траур шел ее бело-розовому лицу с румяными щеками. Она весело махала рукой собравшимся, и те радостно вопили. Все знали, что скоро она обвенчается с королем Шотландии, что, вероятно, означает мир между двумя странами.

Барки начали причаливать к берегу.

Розамунда едва сдерживала волнение.

– А я-то думала, что Ричмонд велик, – пробормотала она, но Мег услышала ее и рассмеелась.

– Вестминстер не так уж плох, – фыркнула она. – Мы разместимся в западном крыле. Почти вся остальная часть Вестминстера – это аббатство и здания парламента. Когда мы приезжаем в Лондон, мама предпочитает замок Бейнард, он красивее и просторнее. Но в городе всегда тесновато. Другое дело – Виндзор!

– Кто все эти люди, собравшиеся у причала? – пролепетала Розамунда.

– О, возможно, лорд-мэр города, его олдермены и члены суда, – рассеянно обронила Мег. – Сегодня тебя представят бабушке. Такой, как она, больше нет, но не позволяй ей запугать себя. Она ожидает хороших манер и уважения, но не пресмыкательства. Это она ненавидит. Все ее почитают. Даже сам король. – Она восхищенно закатила глаза. – Надеюсь, что когда-нибудь буду на нее похожа.

Они высадились на берег. Король, королева, Достопочтенная Маргарет и принц Генри уже ушли вперед. Розамунда послушно следовала за принцессами в числе других фрейлин. В маленьком семейном зале король обнимал мать, величавую леди с прекрасной осанкой и пронизательными темными глазами. Она тоже была одета в черное. На голове возвышался причудливый головной убор с белой вуалью.

– Ты что-то бледна, Элизабет, – приветствовала она невестку, целуя ее в обе щеки. – Твои женщины следят, чтобы ты принимала тот настой, который я тебе посоветовала? Молодой Генри на вид крепок, но кто знает, что будет? Нам не помешал бы еще один здоровый принц.

– Делаю все, что могу, мадам, – с улыбкой ответила королева. – Интересно, почему ответственность за пол ребенка всегда лежит на матери? Вы – женщина ученая, мадам. Не можете объяснить мне?

– Когда это, дорогая Элизабет, – хмыкнула свекровь, – ты знала мужчину, готового взять на себя ответственность за что-то важное? Если спросишь меня, я скажу, что на все воля Божья. И все же тебе следует молиться, чтобы Господь послал красивого сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.